

Ирина Дубровская

ПЯТЬ ЖИЗНЕЙ

Стихотворения, поэмы

Одесса
Optimum

2017

ББК 84 (4Укр=рус) 6 Од.
Д 79

Ирина Дубровская
Д 79 Пять жизней. Стихотворения, поэмы. –
Одесса: Изд-во «Optimum», 2017. – 212 с.

ISBN 978-966-344-692-9

ББК 84 (4укр=рус) 6 Од.

©Изд-во «Optimum», 2017
©Ирина Дубровская, 2017
©Ольга Тарасенко, обложка, 2017

ISBN 978-966-344-692-9

Жизнь прошедшая, жизнь настоящая, жизнь будущая. А также жизнь внутренняя и жизнь вечная. Пять ипостасей единого целого, пять его «слоёв», каждый из которых волнует и побуждает к творческому осмыслению.

2014–2015

Под Рождество

А накануне Рождества
У дома выросла трава.
Представь себе, среди зимы!
Её совсем не ждали мы.
Мы ждали снега, не дождя.
Но нам ли знать, тропой идя
Житейских терний и тревог,
Высоких промыслы дорог?
Ах, нам ли знать, зачем, к чему
Приходит жизнь?
Сквозь тлен и тьму
Пробившись, весело глядит,
Вовсю балует и чудит.
И нам не разобрать подчас,
Что за весёлостью проказ
Она скрывает, чем грозит
Очередной её кульбит...

Южная муза

Снова солнце, без мороза:
На порог ступил едва
И забыл свои угрозы.
И, опять теплом жива,

Муза южная приходит —
Безоглядна, горяча, —
И огонь в душе разводит
Не на шутку, и шепча

Мне про тайны неземные,
Нег лирических полна,
Грудь колышет, как впервые.
И опять строка нежна,

Как в девические годы.
Вмиг теряет власть зима
Там, где солнца и свободы
Не скудеют закрома.

Дерзкое обращение

Да здравствует лирическая дерзость!
Да будет стих бесстрашен и горяч!
Похоже, твердь небесная разверзлась
И путь открыт для творческих удач.

Конечно, не иначе! Но ещё бы
У тех спросить, кто дерзости пример.
От робости язык, прилипший к нёбу,
Не соблюдает такта и манер.

— Достаточно ли дерзко и лирично,
Маэстро Фет? А Вы, маэстро Блок?
В ответ молчат и смотрят иронично.
А ты крутись как хочешь, между строк

Читай, дерзай до пота до седьмого
И льсти себе, что ты большой поэт...
Кивните же, скажите же хоть слово,
Маэстро Блок и Вы, маэстро Фет!

Келейное дело

В. Зубаревой

И чувствуем вяло, и мыслим несмело,
И осень у нас средь зимы.
Поэзия нынче — келейное дело,
С тобою келейники мы.

На узких просторах страны виртуальной
Кому интересны? Увы,
Лишь тем, кто вот так же над схваткой глобальной,
Над жутью последней главы

Зашедшей в тупик эпопеи всемирной
Ещё умудряются жить.
Поэзия нынче — тот сгусток эфирный,
Который в душе сохранить

Непросто. Но нет нам обратной дороги:
Хоть в келье, хоть в тесном углу,
По звуку лирической этой тревоги,
Дав твёрдый обет ремеслу,

Вставать и лететь за земные пределы,
Раздвинув объятия тьмы.
Хоть чувствуем вяло,
Хоть мыслим несмело,
Хоть осень у нас средь зимы...

Синица и журавль

Синица в руке, журавель в облаках...
Всё это слова лишь. Привыкли в стихах,
В изящных беседах о том рассуждать,
Чья птица достойней, какую избрать.
А в жизни-то обе бок о бок живут.
Погладишь синицу, наладишь уют
В своем человечьем, синичьем жилье —
И в путь, к журавлиной бездомной семье,
Летающей к вершинам, не знающей сна.
Да где ж журавлиная эта страна,
В каком же далёком таком далеке,
Что даже пера не удержишь в руке?

Спроси у синицы, уж ей-то не знать!
Ведь птица про птицу сумеет сказать
Нам больше, чем узкие наши слова.
Слегка шевельнётся, чирикнет едва —
И почувствуешь: в маленьком этом тепле
Всё то, что ты любишь на милой земле.
Всё то, что лелеешь и холишь, клубком
Свернулось в ладони, толкнулось стихом
В земной и горячей утробе твоей.
Так семя, упавшее с лунных полей,
Пиров журавлиных имевшее вкус,
Синицею склёвано. Экий конфуз!

Странно...

Как неуютно заброшенной в зиму душе!
Голову спрятать от ветра, от жизни укрыться
И на каком-то сто пятом её этаже,
Там, где соседями будут лишь звёзды да птицы,
Уединиться и силам небесным молиться,
К ним притулиться и вниз не спуститься уже...

Как одиноко заброшенным в мелочный век
Чувствам и мыслям, и песням, зачем-то рождённым!
Странно: ещё замечаю, как падает снег,
Дня отмечаю с утра и до вечера бег;
Странно: ещё примыкаю к певцам и влюблённым,
Робко себя причисляя к тем непобеждённым,
Не унесённым течением бешеных рек...

В эпоху отсутствия муз

И что же такое, скажите на милость,
Поэзия в мире тельца?
Что кончилось в ней, истекло, изменилось,
А что не имеет конца?

Что слово творца в пору «стрелок» и сделок,
Магнатов, иуд, палачей,
И тех, не встающих от полных тарелок,
Жующих, сосущих клещей,

От жадности рыхлых, тупых и ленивых,
Берущих ещё и ещё?
Что всходит теперь на лирических нивах?
Кому подставляют плечо

Небесные силы в их поисках трудных,
И поиски, есть ли они?..
Ответа не жди. В упражнении чудных
Свой собственный опыт прими.

Лишь он и укажет тебе направление,
Как вынести времени груз.
Лишь он и подскажет, что есть вдохновенье
В эпоху отсутствия муз.

Птица без стаи

1

Ах, душа! Убралась как невеста
И в земную спустилась тщету.
Этот мир слишком грязное место
Для того, кто хранит чистоту.

Нелегко ей, себя изливая
На безмолвно простёршийся лист,
Быть повсюду как птица без стаи,
Без оркестра поющий солист.

Впрочем, что ей балы и оркестры?
Ближе мученик тот на кресте...
Этот мир слишком низкое место
Для того, кто привык к высоте.

С сатаной заключая союзы,
О свободе не мыслят творцы,
И, бескрылые, ползают музы,
Двадцать первого века птенцы.

Нет, она из особого теста!
Но печально её торжество:
Этот мир слишком близкое место
Для живущего болью его.

2

Как редкостных вин дегустатор
Шлю солнечным лозам поклон.
Поэт не совсем литератор
И вовсе, пожалуй, не он.

Высокую жалует прозу,
Но ближе ему на беду
Те светом налитые лозы,
Те розы в небесном саду.

Не в силах унять тяготенья,
Покинул он стаю свою
И бродит по городу тенью,
И рвётся в иную семью.

А город в скорбях и тревогах,
В раздорах и распрях земля.
Но он не спешит об итогах
И жизнь начинает с нуля.

Всё жарче духовные войны.
И сыплются гроздья с небес,
Чтоб крепости было довольно,
Чтоб сладости было в обрез.

Непрочитанные поэты

Я не брошен — я просто не спрошен...
Е. Красавцев

Горьки, время, твои приметы,
Тяжки, время, твои грехи:
Непрочитанные поэты,
Неуслышанные стихи.

Сколько предано их забвенью,
Сколько кануло без следа!
Точно вспыхнула на мгновенье
Звёзд таинственная гряда

И упала в объятия Леты,
И остались о ней слова:
Непрочитанные поэты,
Неоткрытые острова...

При обыденном сём раскладе,
А никак не по чьей вине,
К той безвестной примкнуть пляде
В свой черед предстоит и мне.

Грёз обманчивых не лелею —
Тают в воздухе их пары.
Чем я лучше и чем важнее
Тех, ушедших в свои миры?

Впрочем, та ещё есть примета,
Что, когда околует прах,
Непрочитанного поэта
Прочитают на небесах.

В защиту художника

Тебе, художник, эти строки,
Когда летит уколков град.
Всё было — слабости, пороки,
Страстей бурлящий водопад.

А также — тяготы исканий
И гениальные стихи.
Пускай безгрешный бросит камень,
Считая ближнего грехи.

А я грешна и не посмею,
И неохота мне бросать.
Самим с собою нам честнее
Уже давно пора бы стать.

А мы, великого встречая,
Ему выклёвываем глаз,
Как будто злясь и не прощая,
Что он талантливее нас.

Театральное воспоминание

Памяти Олега Борисова

Я помню «Кроткую» во МХАТе,
Олег Борисов в главной роли.
Мне двадцать лет: ни об утрате
Ещё не знаю, ни о боли

Грядущих встреч и расставаний.
Но эта «Кроткая»... Поверьте,
Алмаз не дарит столько граней,
Сколь мне о жизни и о смерти

Сказал Театр в тот вечер дивный.
Связались в сердце той поездкой
В единый узел неразрывный
Любовь, Россия, Достоевский.

Осенние голоса

1

Это осени голос,
ты слышишь, из щели дверной
просочились, прокрались
присущие ей лишь одной
эти шёпоты,
шорохи,
всхлипы,
ночные побудки.

От неё мы узнали
про бешеный ветер сквозной
и про дождь,
между нами стоявший
громадой стальной
все прошедшие сутки.

И про бал-листопад
с уходящей его красотой,
с непреложным оттенком утраты
в палитре густой
и величьем конца...
Будто в век мы живем золотой,
так к прекрасному чутки.

2

Есть сладость и в осени поздней —
Последнего сладость глотка.
Земное — земному, а после...
Кто знает, что после?

Тоска

Осенняя сердцу знакома.
Однако же речь не о ней.
Такая в природе истома
И жалоба тающих дней,
Что строчка за строчкою снова
Охряной прошиты тесьмой,
И с первым последнее слово
Связуются жизнью самой.

Ноябрь уж на пороге,
вновь сырость непролазна,
и мы о том вздыхаем,
в окошко поглядев,
что мир устроен грубо,
что мир устроен грязно, —
не дай нам Бог попасться
в его бездонный зев.

А всё же не минуем,
а всё же попадаем,
и вот уж друг за дружкой
нас мелют жернова.
Но как присохнут раны,
мы всё же понимаем,
что мир устроен мудро
и жизнь всегда права.

* * *

Жизнь всё яростней, всё грубей,
И душа — как мешок без дна:
Сколько носит в себе скорбей,
Знает только она одна.

Что тебе до моих забот?
Как и мне до твоих... Увы!
И событий тревожный ход,
И дыханье полынь-травы, —

Словно всё против нас с тобой,
Одиночек в большой толпе.
Как ты хвост ни держи трубой,
Как ни смейся в лицо судьбе,

Ненадёжна твоя броня —
Что ни день, то удар под дых.
Сколько носишь в себе огня,
Знает только в тетради стих.

Хоть молчи о нём, хоть кричи,
Не изменится ни шиша.
Знает только звезда в ночи,
Чем богата твоя душа.

* * *

Этот век ничего не создаст —
Всё в нем мутно и вязко, как клей.
Ни величья, ни славы не даст,
Не зажжёт путеводных огней.

Где цветочная млела пыльца
И пьянил ароматами сад,
Там течёт золотого тельца
Вероломно распысканный яд.

Всё пропитано смрадной слюной,
Всё тлетворностью дышит его.
Не осталось ни пяди земной,
Где б не праздновал он торжество.

За талант твой, за сердце, за ум
Он, оскалась, не даст ни гроша.
Лишь бесплодной смоковницы шум,
Лишь рождённая ползать душа,

Хоть не званы на царственный бал,
Всё ж нашли по соседству приют.
Мировому господству менял,
Если надо, они подпоют.

Но летающий в звёздных полях,
Но рождённый для смелых речей —
Как от стаи отбившийся птах,
Одинокий, свободный, ничей.

Из жизни буржуазной

Как крепко мы зависли —
Как будто после сглаза:
Провинциальность мысли,
Провинциальность фразы.

Словами заигрались,
Дух вышел, кровь остыла.
Как будто постарались
Невидимые силы

И русского поэта
Так сузили и смяли,
Что мрак уже от света
Он отличит едва ли.

Барахтается, киснет
В трясине непролазной.
Вполне он складно мыслит
Для жизни буржуазной.

Коварных поворотов,
Привыкнув, не боится.
Но для больших полётов
Уже едва ль сгодится.

Русскому поэту

1

Как к пристани приходят корабли,
Вернись, поэт, к родимому причалу!
Ведь если ты не часть своей земли,
Не выразитель *гнева* и *печали*,

Что можешь ты оставить ей тогда,
Какой монетой платишь за крещение
В её купели?
Плещется вода
И твоего к истокам возвращенья

Всё ждёт и ждёт. Тебя всё нет и нет.
Тебе милее ложные свободы
Безбожных стран.
Ты русский ли, поэт,
Иль пустоцвет без племени и рода?

2

В дни поединка тьмы и света
Дай, Боже, не свернуть с пути
И званье русского поэта
Над миром с честью пронести.

Смешон вам пафос?

Стиль немоден?

Две строчки, модники, для вас:
Художник в выборе свободен,
И только Бог ему указ.

Но если кто-то слышит тугу,
Ворчит: «До Бога высоко...»,
Он поклонится, как прислуга,
И сменит пастыря легко.

Вопрос до мелочи изучен,
Ответ не мудрствуя найдёшь:
Кто лжи прислуживать научен,
Тот снова выбирает ложь.

Ну что ж, близка его дорога.
Твоя же длится без конца
Путями пушкинского слога
И славы русского певца.

Верность

*...трещит по швам наш общий дом —
русский язык.*

В. Смахов. Из интервью.

*...я считаю кириллицу
национальной катастрофой...*

Ю. Латынина на радио «Эхо Москвы»

1

И снова на пике излома
Погасла над нами звезда.
Мы жители общего дома,
И в доме сегодня беда.

Трещит он, горит, изнывает
Под бременем вражеских орд.
Один с ним в родстве пребывает,
Родством этим счастлив и горд,

Другой отрекается подло,
Чужой обивает порог.
И множится мерзкое кодро,
И терпит пока еще Бог.

Но тех, кто не продал, не предал
Священных родительских уз,
Хранит Он от подлого бреда,
Под чутким водительством муз

Ведёт на подмогу родному,
К которому сердцем приник,
Единому отчему дому,
По имени РУССКИЙ ЯЗЫК.

2

Вот нечисть, прямо в лоб таранит,
Клеветников своих ведёт.
А всё же сердце не обманет,
С дороги верной не сойдёт.

Коль нежность в сердце неизменна
К гробам отеческим, оно
Гнёт испытания смиренно
Приемлет, горечи полно.

Оно не дрогнет, не сойдётся —
Его октавы высоки.
Порою песней отзовется,
Порой сожмётся от тоски.

Пускай поёт оно и плачет —
Нет лучше средства подсобить
Остаться русскою, а значит
Язык великий сохранить.

Пусть не смолкает ретивое!
Язык мой, сердцем ты храним.
Хвала Творцу, оно живое
И ямбам верное твоим.

Песня о злой судьбе

Он такой, как всегда, мир долгов, торгов,
Псов, сорвавшихся с поводка.
И Россия, как прежде, в кольце врагов,
И в душе у неё тоска.

Оттого, что примерила не своё
И сносила уже до дыр.
Оттого, что с чужого плеча шмотьё —
Как в ловушке «бесплатный» сыр.

Что ж пора уж, пора, отгуляв сполна,
Возвращаться к себе домой.
Хоть петляет дорога, да цель ясна —
Разобраться в себе самой.

В чём спасенье? Молиться каким богам?
Стар вопрос, да опять в ходу.
Как же на руку слабость её врагам!
Как друзьям отвести беду?

Вот, Россия, ещё один спел пиит
Свою песню о злой судьбе.
Мир покуда жив, только сердце болит,
Ибо сердце его — в тебе.

Без упрёка

Злые тучи над морем синим,
В сердце горечь, тоска и страх.
Ах, Россия, шепчу, Россия...
Вкус предательства на губах.

Без упрёка я — где мне с нею
Речь на равных вести? И всё ж
За стихи свои не краснею —
Не нашла в них приюта ложь.

А по правде — да где же силы
Брать на пламенный русский слог?
Ах, Россия, кричу, Россия,
Там, где ты, говорят, там Бог.

С этим спорить едва ли стану,
Только знаю, закон таков:
Там, где Бог, там свои капканы
Ставит дьявол спокон веков.

Расставляет повсюду стражу,
Не жалея тугой мошны,
Чтоб ему поклонились даже
Те, кто Богу еще верны.

Богоносности бремя тяжко,
И врагов у родимой тьма.
Вот и гнётся она, бедняжка,
Забывая, кто есть сама.

Поглядит равнодушным взором
Так, что холод насквозь проймёт.
Не с обидой я, не с укором,
Просто боль из души нейдёт.

И кружится над морем синим
Неприкаянный этот стих:
Ах, Россия моя, Россия,
Я из брошенных чад твоих.

Печать

Даже оптом, за полцены
(Знаем цену той половины!),
Никому, увы, не нужны
Эти русские с Украины.

Чужаки на своей земле,
И в России они лишь гости:
Угощение на столе,
Предки общие на погосте.

Память тоже вот не разъять —
Как ни бейся, на всех едина.
Как бельмо в глазу, как печать,
Эта русская Украина!

Припечатана на века,
Не изменникам на потребу.
Воля Господа высока,
Не достать от земли до неба.

Не сорвать печать, не сломать,
Только ветром студёным в спину
От России всё гнать и гнать
Эту русскую Украину.

К чёрным дням перемен

Время сыплется быстрым песком,
Будь же честен, как перед концом:
Дурака назови дураком,
Подлеца назови подлецом.

Не лукавь, не юли, не робей,
Полуправдой души не губи.
Ядовитое жало убей,
Колебанья в себе истреби.

Будь готов к чёрным дням перемен,
Если дьявол пожаловал в дом,
И в плену у коварных сирен
Не усни ни душой, ни умом.

Как бы вкрадчиво голос ни пел,
Ни укутывал в ласковый плюш,
Берегись половинчатых дел,
Сторонись половинчатых душ.

Опасайся глупца и льстеца,
Опирайся в дни чёрных побед
Лишь на тех, кто идёт до конца,
Лишь на тех, в ком Спасителя свет.

Под южною звездой

1

Мешок с нечистой силой вспорот —
Полезла, хуже саранчи.
Не разучись смеяться, город,
Пусть даже нет к тому причин.

Пусть беззащитны мы с тобою
Пред наступающей ордой,
Не забывай в часы прибоя,
Под пылкой южною звездой,

Мечтать о дне освобожденья —
Легко, всем сердцем, как дитя,
От оскуденья, от паденья
К подъёму трудный путь ведя.

Хоть нынче ветви от бессилья
Склонил наш опустевший сад,
Как солнца луч над тёмной былью,
Пусть смеха слышится раскат!

И Бог на небе улыбнётся,
Завидя искорки во мгле:
Смотри-ка, тем в лицо смеётся,
Кто ад устроил на земле!

Ответ очевиден, не спрашивай дважды:
Живи настоящим и планов не строй.
В Одессе не хочется думать о важном,
И вовсе не хочется думать порой.

Но чувствуешь, Боже, здесь чувствуешь столько,
Что кажется, мышце грудной не стерпеть.
Здесь южные страсти, здесь влажные дольки
Искрящихся фруктов и прочая снедь.

Не лучшее место для мысли суровой,
Для пламенной речи о судьбах Руси.
Но снова, ты слышишь, рождается снова!
Хоть плачь тут, хоть смейся, а крест свой носи.

Тот майский день

Мне говорят: не нагнетай,
Смотри на жизнь бодрее!
А я как вспомню месяц май,
Так сразу постарею.

Тот майский день, он многих лет
Беды и боли стоит.
Мне говорят: беги от бед!
Ничто не беспокоит

В беспечном городе души.
Плескайся в тёплом море!
А я в посмертной той тиши,
В том молчаливом горе,

Что даже высказать нельзя,
Не опасаясь следствий,
Стою, и слёзы жгут глаза,
Как от обиды в детстве.

Но кто ж подумать мог тогда,
О новых днях радея,
Что в них ни сердца, ни стыда,
Ни кары для злодея?

В эпистолярном стиле

Н. Смирновой

Друг любезный,
нас остаётся мало,
тех, кто в бред антирусский
свою не вписал главу.
Интеллигенция по преимуществу
мыслит вяло
и, как обычно,
компромиссна по существу.

Мне её фальшь и вялость
давно противны.
Книжки читает и пишет она?
И что ж?
Связи её с Всевышним
весьма фиктивны,
ибо когда продаёшься
за медный грош,

нить обрывается,
к небу пути закрыты.
Интеллигенция, друг мой,
полсотни лет,
за исключением немногих,
ищет корыто,
где посытней похлебка.
Культурный след,

ею оставленный,
неоспорим и вечен.
Лишь потому, мой друг,
я за честь почту
к ней принадлежность.
Но больше похвастать нечем:
интеллигенция редко близка
к Христу, —

чаще к Иуде
и книжникам тем двуличным,
что отрекутся в любую минуту.

Что ж,
это считается в мире
вполне приличным.
Тех же, кто до сих пор
не приемлет ложь

и выбирает правду
своим подспорьем,
их остаётся мало,
но с ними Бог.
Что же до прочего —
может, ещё поспорим!
Если сумеет выжить
высокий слог,

не растворится
в едком земном тумане,
не поглотится
пеною бранных вод,
встретимся, может,
на острове том Буяне,
что нам с тобой завещаю
из рода в род.

Грядущему

И тошно, и страшно, и плачу бессильно
От лютой неправды, разросшейся всюду.
Ну где же, грядущее, где твой посыльный?
Ты видишь, уже не надеюсь на чудо.

Ни светлого завтра, ни общего блага
Не жду я, посыльный, твоих обещаний.
Но доброго сердца, но мирного лада,
Но хоть уменьшенья безвинных страданий...

Под новый год

Под новый год шей новые одежды
И сбрасывай изношенную кожу!
Иллюзию не путая с надеждой,
Хотя они действительно похожи,

Смотри с вниманьем в призрачные дали —
Что призрачно, то вскоре станет явным.
Под новый год, прошедшего в финале,
Мечтай, молись и думай лишь о главном.

Не растворишься в потоке бестолковом,
В жестоком споре будущего с бывшим,
Чтоб в новый год войти к нему готовым
И плевелы от зёрен отделившим.

31 декабря

Ну вот и окончен 14-й год.
О нём мы не скажем, что *время летело*, —
мучительно шло,
задыхалось,
свистело,
и бритвой по сердцу вело,
и смотрело,
как смотрят на тех,
кто отправлен в расход.

Но вот миновал, отстрелялся, истёк.
А копоти столько, как будто полмира
в золу превратилось.
Сплошь чёрные дыры
и разъединённости страшный урок.

Так что ж пожелать вам, подруги, друзья?
Вот-вот и бокалы содвинем мы разом.
Так пусть же вернуться к нам солнце и разум!
И жизнь, как беглянка,
по краю скользя,

домой прибежит, возвратится из плена,
где мучили зверски, давили и жгли.
Пусть жизнь сохранится!
Хоть бренна, мгновенна,
а лучшей не сыщешь в пределах земли.

К переменам

1

Судьба не дремлет, жребий брошен,
Не повернуть движенье вспять.
И то уже осталось в прошлом,
Что было прошлому под стать.

Нет, не жале́й! Хотя́ было славно
Нам жить в уюте и тепле,
А всё же строчки самой главной
О пребыванье на земле

Не написать душою спящей,
В её размеренном быту.
Быть может, жизни настоящей
Ещё не знали мы?.. Тщету

Любили слишком, в лень впадали,
Забыв, что день и ночь должна
Душа трудиться. Вот и стали,
Как дребезжащая струна,

Кругом фальшивить, прогибаться.
Пред нами ложный был кумир,
И Всеблагие нас, признаться,
Призвали вовремя на пир.

А что изменилось, скажите?
Пожалуй, лишь то,
что жизни былой
истощились склады и запасы.
Ботинки сносились твои,
прохудилось пальто,
сверкавшие прежде,
теперь потускнели прикрасы.

Пора всё менять!
Не годится в обносках тебе
по жизни идти.
Так и время, сносив оболочки,
ветшает, уходит,
сдаётся на милость судьбе,
тебе завещая
о будущем робкие строчки.

Прогулка под Рождество

*Из чащи к дому нет прохода,
Кругом сугробы, смерть и сон,
И кажется, не время года,
А гибель и конец времён.*

Б. Пастернак

Мороз, пурга, обледененье —
Нет худшей пытки для южан.
Как будто их судьбы гоненья
На остров ссыльных каторжан

Загнали в эти дни глухие,
Когда и так пощады нет.
А тут ещё разгул стихии
Душе истерзанной в ответ.

Не обнадёжил, не утешил.
А впрочем, многих был честней:
«Лапши» на уши не навешал
О том, что всё у нас о'кей.

Грядущей боли не измерить,
Минувшей — не стереть следы.
Но надо жить и надо верить
В восход Рождественской звезды.

Всё громче улицы волнение.
Ну что ж, пойду гулять и я:
В мороз, в пургу, в обледененье,
Из дома — в чащи бытия!

О главном

Без остановок, всё на ходу,
В вечной дневной заботе.
Ёлку не ставили в этом году,
Дичь не пекли. На ноте
Нервной, встревоженной замер стих,
День изнемог от вьюги.
Город в снегу, напряжён и тих,
Дьявола всюду слуги.
В каждом квартале дежурит пост.
В нашем — весёлом, славном
Городе — дьявольских клеток рост!
Впрочем, спешу о главном.
Слово, что замерло на устах,
В небо взлететь готово.
Главное всё же не хворь, не страх, —
Эти падут оковы.
Эти темницы не навсегда.
Люди, глядите выше!
Ёлку не ставили? Ерунда!
Главное — дух не вышел.

Январский ветер

Одна лишь вера мне подспорье
И хор высокий русских муз.
— Ну как тебе в твоём подполье —
Не горек хлеб? не тяжек груз? —

Пытает ветер, в дом ворвавшись.
Взыскуют волны и пески,
Родной природою назвавшись,
Природной, искренней строки.

В той тишине глухого чрева,
Что опекают небеса,
Она выросла, скорбей и гнева
Вобрав земные голоса.

Эпохи жаркое дыханье
Так в плоть впиталось этих книг,
Что даже точка как стенанье,
Что даже пауза как крик.

Но не с кем криком поделиться:
Вокруг, хоть громом порази,
Покой беспечности на лицах
И детский лепет: «Не грузи...»

О, как блаженны люди-дети
В своём неведении слепом!
А мне пора — январский ветер
Опять явился со стихом.

Обдавши горечью и солью,
Мне в душу веет горячо:
— Ну как тебе в твоём подполье?
Сумеешь выдержать ещё?

Виновата война...

Меньше слов, меньше слов, тишина, тишина.
Только скрип по бумаге пера.
В тишине, в полутьме виновата война:
Разобщённость — молчанья сестра.

— Никому, никому, ни о том, ни о сём,
Затаись и молчи, и молчи. —
Учит время войны, что страшнее, чем сон,
Страшный сон, что приснился в ночи.

Меньше слов, меньше чувств,
Только боль, только стон
О чудовищной этой войне.
Но пройдут и они — всё проходит как сон.
Потерпи, посиди в тишине...

Бред

Ночная природа хранит тишину.
Лишь сетует внутренний голос негромкий:
Когда разрушали большую страну,
Не знали, как душу изранят обломки.

Пока о свободе залиvisto пел
Кто был безрассуден, невинен и прыток,
Разрушенный дом его в пропасть летел,
И тот беловежский предательский свиток

Лежал на столе. Ожидался банкет.
(Ну как не отметить — обтяпали дело!)
Чернила подсохли, и начался бред.
Почти четверть века с тех пор пролетело,

А бреда всё больше. Он страшен, кровав.
А тот, кто был молод и пел беззаботно,
Стал горек и сед, и, смертельно устав,
Душою израненной пишет полотна.

* * *

Где друг, никто не ведает,
А недруг бессердечен.
Из дней текущих следует,
Что мир расчеловечен.

Что стёрты все предания
Из мозга поколенья,
И нету наказания,
А только преступленья.

Что власть берут грабители,
Убийцы — при портфелях.
Перевелись сказители,
Нет толку в менестрелях.

Никто не сеет вечное,
Всяк суетен и мелок.
Дела кругом заплечные,
Растут масштабы сделок.

Забудь про долгожительство —
Так дьявол разыгрался,
Что вирус потребительства
Смертельным оказался.

Места, доньше дивные,
Сегодня Бог оставил,
И жизнь богопротивная
Пошла, без всяких правил.

Без совести, без доблести.
И мы, в когтях недуга,
Лишь мерою съедобности
Отличны друг от друга.

В подвалах спят бездомные,
И вторят их заплаты,
Что время в мире тёмное
Настало, как когда-то.

Что время это смутное,
Погрязшее в злодействе.
И липко всё, и муторно,
И тонет в фарисействе.

То нечисть всепланетная,
Своей бряцая силой,
Как в дни ветхозаветные,
Мир в хаос погрузила.

* * *

Как опостытели сети судьбы,
Плутни её, химеры.
Дух всё же борется — как без борьбы,
Без напряженья веры

В правду небесную, вопреки
Лживой земной науке?
Как опротивели эти тиски,
Эти чужие руки,

Что так и тянутся, так и гребут,
В души влезают к детям.
Дух всё же держится. Скольких он смут
Будет ещё свидетель?

Сколько ещё у него врагов,
Рвущихся в наступленье?
Сколько ещё впереди шагов
К миру, к освобожденью?

* * *

Я много думала. Едва
Одни лишь красные слова
В их поэтическом круженье
Меня устроят.
Я жива
Тревогой тайного броженья
И недр подземных полнотой —
Такою, что гудит, как лава.
Час извержения бедой
Грозит и жить внушает право.

Я много думала. Стихи,
Когда за ними пульс эпохи
Не бьётся, праздной чепухи
Едва ль ценнее.
Пусть неплохи,
Пусть ладно скроены, а всё ж
Души моей не насыщают.
Мне нужно больше — жар и дрожь
Борьбы, чтоб в ней любая ложь
Сгорала.
Те, что очищают
Собою мир от шелухи
И встают за правду Божью, —
Лишь те мне дороги стихи,
Поскольку несовместны с ложью.

* * *

Всех лучше о том, что случилось,
Сумеет сказать ремесло:
Жизнь надвое переломилась,
И время на плечи легло
Плитой неподъёмной, и душу
Сковали отчаянья льды.
И слёзы всё душат и душат.
— Прошу, помогите! Воды!
Как будто бы лезвие в спину
Вонзили — так рана болит.
Название её — Украина:
Кровь, клочья... Чудовищный вид.
Рецепт исцеленья неведом,
Надежда на чудо слаба.
И только идущая следом,
Глядящая в корень судьба,
Отрезок пути завершая,
О том, что назавтра грядёт,
Всё знает и, боль утешая,
Мне шепчет: «И это пройдёт».

* * *

В графе чернеет птичка
Напротив слова «Быть».
Осенняя привычка
Итоги подводить
Опять не изменила —
Быть чувству и стиху!
О том, что сердцу мило,
Скажу как на духу.
Легко и бескорыстно
Срываю с уст печать,
О том, что ненавистно,
Не в силах промолчать.
Ни тени суесловья!
Так свыше решено,
Что ненависть с любовью,
Как с жизнью смерть, — одно.
Глубин невозмутимость
И рваные края.
Разъятость. Неделимость.
Одно живое «Я».

* * *

Слава Богу, смеюсь,
загораюсь от слова,
от мелодии нежной
мягчею душой.

И томлюсь, и молюсь,
и держусь за основы,
и тянусь к новизне,
и в планете чужой

нахожу интерес,
и ношусь со своею,
и пою о любви —
до сих пор, без конца.
Слава Богу, о ней.
Потому не старею,
что душистых цветов
не иссякла пыльца.

Значит, стих до сих пор
полон жара и влаги —
и зажжет, и приймет,
если есть в том нужда.
Потому что люблю
шелест писчей бумаги
и в любви признаюсь,
не жалея труда.

Южная роза

Как южной розы стебель тонок,
Не го́ж для варварско́й грызни!
Мой город, как больно́й ребенок,
Вдвойне мне дорог в эти дни.

Зажат, запуган, майским чадом
Задушен... Сломлен, может быть?
Нет, болен тягостным распадом
И ускользающую нить

Весёлой вольницы приморской
Почти уж выпустил из рук
Под той руиною громоздкой,
Что, навалившись, столько мук

Нам принесла. Как горьки слёзы,
Как неутешен детский страх
В потухшем взоре южной розы,
В её поникших лепестках.

Старый дом

Рад послушать я песню былую...

С. Есенин

Сколько снега, однако, растаяло,
Сколько быстрой воды утекло!
Старый дом в переулке Катаева,
Детских лет сохранивший тепло,

Всё такой же невзрачный, обыденный,
Так же вьётся вдоль стен виноград,
И, момент исключив непредвиденный,
Старожилы на лавках сидят.

Что мне здесь? За какой такой надобой
Возвращаюсь в родные края?
То ль от горестей жизненных снадобье
В них ищу, то ли муза моя

Просит новых мотивов и веяний?
Как бы ни было, поет в груди.
Ты, судьба, задержись на мгновение
И на лавке со мной посиди!

Чтоб припомнилось всё позабытое,
Зашумело опять, поднялось
И, волной стихотворной омытое,
Сердцем заново пережилось.

Одесские дворики
Личное впечатление

Живут по старинке одесские дворики,
На новые правила глядя сквозь пальцы.
Неспешно метлою орудуют дворники,
Снуют завсегдагаи и постояльцы.

Бельё на верёвках, на крышах коты,
И местные модницы с лестниц дощатых
Сбегают игриво. Им дарят цветы
Заезжие франты из царств тридевятых.

Девчонки, морячки! Поди, до сих пор
Романтиков ищут из повести Грина.
А впрочем, совсем не о них разговор.
Меняются нравы, а дворик старинный

Всё дышит, всё шутит, всё полон тепла,
И солнце над ним, слава Богу, не меркнет.
Хоть жизнь беспощадна, горька, тяжела,
И к горлу приставлены новые мерки.

Уж вихрем колючим весь мир унесло,
Но, пляжницей выйдя на пик замерзанья,
Одесса ещё сохраняет тепло,
И этим оправдано в ней пребыванье.

На пирсе

Море с шумом навстречу идёт,
С пеной, с птичьими визгами.
Нас дыханьем сырým обдаёт
И колючими брызгами.

Ух, какое оно! Угадать
Нрав морской — дело трудное.
Всё знакомо в нём — буря и гладь,
И пустое, безлюдное

Побережье в осенние дни,
И сумятица летняя.
Жизнь, лошадок своих не гони!
Знаем, годы последние

Перед новой эпохой живём,
Годы смутные, грозные.
Под напором гудит волнолом,
И большое, серьёзное,

Разрастается чувство в груди
Единения кровного
С тем, что было и что впереди,
И биенья неровного

Оглушает пунктир. Тяжек воз
Со страстями капризными.
Как же эти, родные до слёз,
Черноморские пристани?

Эти пирсы, с которых видна
Перспектива туманная?..
Дай нам, Господи, во времена
Окаянные, бранные

Устоять, чтоб, набив сундуки,
Плыли в порт корабейники,
Чтоб не гасли во мгле маяки
Черноморского берега.

Вот бы...

А у моря ветер веет.
Вот бы тучи все развеялись,
Чтобы те, кто в чудо верят,
До конца не разуверились.

Вот бы сбросить зло с порога,
Выгнать мастера заплечного,
Чтоб осталось хоть немного
В человеке человеческого.

Вот бы лжи не дать прохода,
Сохранить бы душу в целости,
Чтобы правда и свобода
Абсолютной стали ценностью.

Вот дожждаться бы иного,
Благодатного течения,
Чтобы вновь звучало слово
И ценилось вдохновение.

Вот бы, вот бы... Но природа
Равнодушна к нашей братии,
И у моря ждать погоды —
Бесполезное занятие.

Перед судьбой

Дождь, на сердце разгорячённое влагой брызги!
Солнце, света животворящего не жалей!
Мир становится местом малопригодным для жизни,
Во Второе Пришествие верится всё сильнее.

Полыхает кровавое зарево на Востоке,
Выбран Запад оплотом и крепостью тёмных сил.
О лихих временах возвещают с небес пророки,
Дух тревожный витает над плитами их могил.

Так куда же теперь нам за словом идти утешным?
Занял дьявол приходы, чтоб веру у нас украсть.
Мир становится местом,
 где праведник назван грешным,
Где под шкурой овечьей скалится волчья пасть.

Нестерпимы, неисчерпаемы лжи потоки,
Зла с добром, как гроза, надвигается смертный бой.
Как же в мире Твоем мы, Господи, одиноки!
Как слабы мы и беззащитны перед судьбой!

Да и нет

Сколько лет мне осталось,
Сколько зим на земле?
Вдруг приходит усталость:
Жить в неправде и зле —
Непосильная ноша
Для меня, господа.
Брошу крест иль не брошу?
Всё же нет или да?

На исходе терпенье,
Я по жизни не спец.
Вдруг приходит смирение —
Ну, конец, так конец.
Вот и связи распались...
Но отчётлив протест:
Как же те, кто остались?
Как же брошенный крест?..

Всё звучит, не смолкая,
Изнутри, как набат.
Что отвечу, не знаю —
Жизни чуден расклад.
Нет, не в счастье, не в горе,
Не в величье труда, —
В «да» и «нет» вечном споре
Суть ее, господа.

Соловьиные звуки

1

— Ах, — на жизнь махну рукою, —
Ей другой уже не стать.
Одиночество такое,
Что словами не сказать.

Никому о нём ни звука —
Боль у каждого своя.
Что за горе, что за мука,
Скажет песня соловья.

Ей доступно, ей несложно
То раскрыть своим стихом,
Что поведать невозможно
Человечьим языком.

2

И зачем эта жизнь, для чего дана?
Чтоб тепла и надежды была полна.
Чтоб звенела, как чистый весенний ключ.
Чтоб душа, эта гостя с небесных круч,
Рассказала бы миру земных страстей
Что-нибудь из высоких своих вестей.
Что-нибудь написал бы еще поэт,
Продолжающий верить, что смерти нет,
Вопрошающий Бога в сто первый раз,
Для чего эта жизнь, почему отказ

От нее это грех, пуще всех грехов.
Что с поэта возьмёшь — он всегда таков:
Не корми его хлебом, но дай ответ,
Что живет не напрасно, что смерти нет.

* * *

Опять связались в стих слова,
Подняв часу примерно в третьем.
Ещё поэзия жива,
Ещё искрится семицветьем

Своей палитры огневой,
Высокой радуги небесной.
Дух стихотворства, ты живой!
В тисках обыденности тесной

И той зловещей полутьмы,
Что целый мир собой накрыла,
Ты как-то выжил. Среди зимы
Твоя свирель заговорила

Весенним сочным языком.
Да, жизнь подобна горькой драме.
Лишь ты, пришедший со стихом,
Не обесцветился с годами.

* * *

В душе-то всё как прихотливо —
Самой от себя тяжело.
Вот рек своенравных разливы
(Что стоит без них ремесло?):

Шумят и клокочут, и к горлу
Подходят горячей волной.
И горло — подобие горна,
Что сон прерывает ночной.

А вот кабинетная строгость
И строчек классический вид.
Как будто «Руками не трогать»
Табличка над ними висит.

Но если не слушать запрета
И «классику» эту копнуть, —
Там всё, что ещё не допето,
И всё, что уже не вернуть.

Так в узел завязано крепко,
Так вплетено всё между строк!
За хвостик потянешь, как репку,
И вытянешь целый клубок.

Кто-то

Всякий раз удивляюсь я новым стихам —
Вроде выжжено сердце давно
И рождать не способно лирических драм.
Всякий раз я как будто в кино:

Лист тетрадный экранным глядит полотном,
Строчки-кадры мелькают, кружась.
Нет, не я в них, а кто-то...
Всё знаю о нём,
Но движений таинственна вязь.

Вроде близок, знаком, но куда повернёт,
Что расскажет мне нынче — вопрос.
Удивляюсь ему — всё поёт и поёт!
Полнозвучен и многоголос,

Он помимо меня существует давно,
Своего не скрывая лица.
Строчки-кадры шумят,
Я, как зритель в кино,
За сюжетом слежу до конца.

Старая песня

Песню старую заводит
Время — ох да ах.
«Жизнь проходит, жизнь проходит», —
Всё стучит в висках.

Быстро, быстро, всё быстрее
Год из года бег.
Неизбежно я старею,
Ибо человек.

Не бесплотное виденье,
Не бессмертный дух.
Жалко, нет изобретенья,
Чтоб глаза и слух

Оставались молодыми,
Память и хребет.
Всё дряхлеет. Только имя
И небесный свет,

Что порой в стихе искрится,
Награждая труд,
Может быть, как говорится,
Тленья убегут.

Молодость

1

День согрел мимолётною негою,
Как костёр согревает скитальца.
Неужели ж вот так, будто не было,
Жизнь пройдёт, просочится сквозь пальцы?

Всё мгновенно — и ласка, и холодность,
И блаженство твоё, и мученье.
И в дверях уходящая молодость,
Задержавшись ещё на мгновенье,

Дарит сердцу улыбку прощальную.
Шум шагов, шорох платья в передней
И духи её розово-чайные
Будешь помнить до точки последней.

Сменит почерк перо заскрипевшее
И, дождавшись весеннего ветра,
Будет ямбы свои поседевшие
Посвящать её памяти светлой.

2

Их всё меньше, счастливых okazji,
Долгожданных и радостных встреч.
Отпадают изжитые связи,
Рекам высохшим больше не течь.

Не жалею, но горького взора
Не сдержать, оглянувшись назад:
Отчего всё проходит так скоро,
Так стремительно годы летят?

Не удержишь спешащего века,
И о прошлом любая строка —
Словно зимних, безлиственных веток
О былом одеянье тоска.

Пять жизней

Помыслы о хорошем,
Чаяньям нет числа.
Это о жизни прошлой,
Той, что теперь мила.

Времени всё поспешней
Бег, всё мрачнее вид.
Это о жизни здешней,
Той, что сейчас томит.

Тьмою покрыта тьмущей,
Ближе к иным мирам.
Это о той, грядущей,
Что неизвестна нам.

Кончился слёзный, трудный
Путь твой — пари как птах!
Это о лёгкой, чудной,
Той, что живёт в мечтах.

Холод пустыни млечной,
Судей суровый спрос.
Это о жизни вечной,
Той, что не знает слёз.

Гармония

Да, подчиняясь скоротечности,
Но не сворачивая с курса,
Взять пару слов ещё у Вечности,
Чтоб ремесло взошло к искусству.

Как будто бы скала отвесная
Уже качнулась под ногами,
Услышать звуки те небесные,
Что не давались, убегали,

Дразнили близостью гармонии,
Ещё вчера недостижимой.
Да, взять у Вечности симфонию,
Чтоб унесла и закружила

В своём полёте душу чуткую,
Её подвластную аккордам.
Чтоб время подлое и жуткое
Перенести с терпением твёрдым.

Памяти Льва Болдова

*Я мотаюсь по родине,
словно заправский цыган.*

Л. Болдов

Он мотался по родине,
музу искал
и в московской толпе,
и на крымских горах.
Он и горькую пил,
и о вечном писал.
Он был русский поэт.
С ним проститься в стихах

захотелось и мне.
Да, светло помянуть
захотелось того,
кто был светел и смел.
Хоть и горькую пил,
и терпеть эту жуть
под названием «жизнь»
не хотел, не умел.

Да, тепло написать
захотелось о нём,
по огромной стране
собиравшем свой стих.
Хоть разъята страна
и объята огнём,
и к несчастью, не знает
поэтов своих.

К весне

Вот и весна. Хоть неласковой нынче явилась,
Всё же на сердце светлее, чем в зимнюю пору.
Жизнь отбывается нехотя, будто повинность,
Но облаков над землею всё ярче узоры.

Значит, на небо гляди, слушай птичьи рулады,
Страхов, тревог отодвинув тяжёлые глыбы.
Даже на самом пороге кромешного ада
Верь, это только издержки крутого изгиба.

Жизни обрадуйся — душу от зимнего хлама
Радостью только и чистить! От духов дремотных
Освободись скорей. А народные драмы —
Знай, это только начало путей поворотных.

Ожидание катарсиса

1

Ленива мысль, упавший дух ничтожен,
С натугою скрипит земная ось,
И катарсис, к несчастью, невозможен —
Оболгано, фальшиво всё насквозь.

Сочувствую тому, кто только прибыл
На эту землю, — счастья не найдёшь,
Где зло с добром от сделки делят прибыль
И кто есть кто, уже не разберёшь.

Конец времён. Повсюду смрад и скверна
Чумных пиров, кровавых кутежей.
Сгустилась тьма, и грозное *инферно*
Висит над нами, гонит нас взащей

Из тёплых гнёзд — их пламя мировое
Уже коснулось хищным языком.
И в каждом миге — что-то роковое,
И вставшим в горле давишься куском

На сделавшейся будничностью тризне.
Как смертник, холодея, ждёшь вестей,
И катарсиса хочется, как жизни,
На пепелище судеб и страстей.

2

Бесовская клика, должно быть, довольна:
Порочные связи, гибридные войны.

Всё смешано в кучу, и жуткая сказка,
Где судьбы решает двулика маска,

Всё длится и длится. Чем ближе к итогу,
Тем больше и больше всего понемногу.

Клубком покатались полярные мненья
В гибридном, постыдном своём единенье.

Расплывчаты фразы, туманны поступки,
И фарш нескончаем в людской мясорубке.

О, как же хочу я, друзья, домочадцы,
С гибридной эпохой навек попрощаться!

Чем больше объёмы царящего ада,
Тем ясного неба и доброго взгляда

Сильнее желанье, упорней молитва
О том, чтоб скорее гибридная битва

Достигла конца и за северный полюс
Ушла безвозвратно бесовская помесь.

Чтоб сладить нам с тёмною этой лавиной,
И в мире, очищенном кровью невинной,

Чтоб стало возможным, чтоб было по средствам
Жить с чистой душою, с доверчивым сердцем.

На родной земле

Это — взорванный злобой мост.
Это — тот, в мышеловке, сыр.
Искалеченный это мозг,
Перевернутый это мир.

Это нечисти жуткий бал —
Мы прогнать её не смогли.
Золотого тельца оскал,
Властелина вся земля,

Это он заслони́л собой
Опечаленный солнца лик.
Это хаос, распад, разбой,
Это мнений враждебных стык.

Это вихри народных драм,
Вечный сказ о добре и зле.
Это то, что осилить нам
Предстоит на родной земле.

Под гнётом

Ещё вступаю в спор с судьбой,
Не в силах верить в бред.
Ещё пытаюсь быть собой
В стране, которой нет.

Скрипят усталые веса —
Всё больше чаша зла.
Рычат взбесившиеся псы,
И ноша тяжела

Невыносимой череды
Мгновений и часов
Под гнётом смуты и вражды,
Под игом злобных псов.

Надежда, вера, — где они?
Наитие одно.
Былые, солнечные дни,
Как старое кино,

В глубинах сердца берегу
И, в них ища ответ,
Никак поверить не могу,
Что жизни больше нет.

По-человечески

Водой упрямый камень точится,
Но далеко ещё до слома.
По-человечески так хочется
Сбежать из этого дурдома!

Куда-нибудь... Туда, где ласковы
Щадящих рук прикосновенья,
Где жизнь идёт не вкривь, не наскоро,
А с чувством, с толком, по велению

Тех добрых сил, что где-то прячутся
И злу покуда уступают.
По-человечески так плачется,
Таковыми горькими бывают

Пути житейские, что слова-то
Не подобрать для выраженья...
Ну что ж, душа моя, готова ты
К полёту, к подвигу, к служенью?

Пора! Где жизни человеческой
Мешают дьявольские пляски,
Там всё сильнее пламень жреческий,
Всё ярче творческие краски.

Страшные слова

Столько за год прибавилось горестных нот,
Будто в жизни воистину горечь одна.
Слово «беженцы» прочно вошло в обиход,
Неизбежно связуясь со словом «война».

А ещё, хоть словарный запас и не мал,
Всё ж настырней других, словно въевшийся дым,
В нём слова оказались «котёл» и «подвал»,
«Град» и «Смерч» оглушили значеньем своим.

И, опасность почуявший, весь организм,
О беде извещённый тревожным звонком,
Содрогнулся, метнулся при слове «фашизм»,
Что опять чёрной меткой вошло в лексикон.

Страшных слов череда... Их бы вовсе не знать!
С корнем вырвать бы чёрное древо войны,
Чтобы слово «победа» скорей услышать,
Чтобы «мир» и «любовь» были смысла полны.

Враг

Срок пришёл, грех Иуды
Добродетелью стал.
Век мой враг мой, покуда
Мерзкий катится вал
Лжи и грязи помойной.
И, в подполье уйдя,
Этой рифмою стройной,
Словно каплей дождя,
Я нависшую глыбу
День точку ото дня.
Разобью её — либо
Одолеет меня.

Так, за каплею капля,
Вглубь, под землю, в азы.
Слышишь, враг мой, раскаты
Стихотворной грозы?
Хоть меняй ты личины,
Хоть расставь ты силки, —
Мне твоей мертвечины
В рот не лезут куски.
Не втирайся в доверье
Обещанием благ.
Твоему лицемерью
Я пожизненный враг.

Интеллекгентный автор

Интеллекгентный автор
Творческим занят актом.
(Не путать его с поп-артом —
Он из другой муки).
В ушах у него бананы
(Простите за слог, гурманы),
А на глазах — удобные
Розовые очки.

Интеллекгентный автор,
Он весь такой «мирный атом».
Какой бы там чёрт рогатый
Ни лез бы на нас из дыр,
Очки он на нос надвинет,
Проценты свои прикинет,
Высокую позу примет
И вымолвит: «Миру мир».

Он автор интеллекгентный,
Он смотрит на суть момента
С брезгливостью той латентной,
Что так из него и прёт.
Не люмпен, не шаромыжник, —
Он аристократ и книжник!
Культурных начал подвижник,
Он двигает мир вперёд.

И даже когда, допустим,
Земля захлебнётся грустью
И рек пересохнут устья,
И снова распнут Христа,

Он взглянет умно и тонко:
Ну что, мол, стоять без толку?
Пройдёт стороной негромко
И вымолвит: «Суета...»

Разрыв

Жаль, что мы разделились
На своих и чужих.
Было время, резвились:
Хоть не в дружбах больших,
Но в приятельских связях,
Беззаботных, простых.
Нынче ж, будто бы сглазив,
Кто-то вымарал их,
Оборвал, обесточил,
И уже не связать.
Никаких многоточий —
Под разрывом печать
Вероломной эпохи,
В дом принесшей беду.
Что ей горькие вздохи?
Что планета в чаду?
Ей бы всё испоганить,
Оболгать, очернить,
В сердце самое ранить,
В душу яду налить.
Кто-то к ней в услуженье
Стал под вражье крыло,
И печать расторженья —
Неизбежное зло.

До и после

Не залечится рана
Даже лаской весны.
«До и после Майдана,
До и после войны» —

Эти гулкие строчки,
Как Истории зов,
Повторять нам до точки,
До последних часов.

Легкокрылой надежде
Приземлиться пора.
Нет, не будет, как прежде,
Мы не те, что вчера.

Тень беды и раздора —
Как печать на челе.
Не излечимся скоро,
Не забудем о зле.

До и после... Как мучит
Двух порядков рубеж!
Так История учит,
Став меж ними промеж.

Этой дамы уроки —
Как ранений рубцы.
Но не плачь, что жестоки, —
Чай, уже не мальцы.

Как враждебные станы,
Души разделены
Смертным чадом Майдана,
Страшным взглядом войны.

О близком и дорогом

Довольно, судьба, нас уже терзать
И мучить в объятьях тьмы!
Как дорого то, что хотят отнять,
Уже уяснили мы.

Не зря ж, нищетой, пустотой грозя,
Времён обрывая связь,
Нас учишь: ничем заменить нельзя
Всё то, что втоптали в грязь.

Уже не беспечные, как вчера,
Не спящие детским сном, —
Уже понимаем: пришла пора
О близком и дорогом

Подумать всерьёз. Чем лучится взгляд,
Тому велика цена.
Уже осознали до самых пят:
За души идёт война.

Но как ни войой, не прозреет тот,
Кто предал в себе Творца.
Ты тех, я прошу, в ком любовь живёт,
Не ожесточи сердца!

Чтоб прозой своею или стихом,
Поставив Ему свечу,
Сказали о близком и дорогом,
Не отданном палачу.

Две войны

Такая тяжесть вдоха,
Что горбится спина.
Гибридная эпоха,
Гибридная страна.

Похрустывая чипсом,
Гибричны враг и друг.
Неладно всё, нечисто,
Гибридно всё вокруг.

По улице прохожий
Шагает не спеша.
И у него, похоже,
Гибридная душа!

Гибричны воздух, пища.
На что ни обопрись —
Всё горечь пепелища,
Подмена, слабость, слизь.

Где праведный, где грешный,
Картина неясна.
Но главное, конечно,
Гибридная война.

К чему ещё дебаты?
Вопрос с повестки снят.
Всему виною злато
И страж его, булат.

Те от стыда застыли,
Что выжили в огне
И славу заслужили
В другой совсем войне.

Ох, было им несладко!
Но не было при них
Гибридного осадка
И отпрысков больных.

Как много изменилось!
Иных уж вовсе нет.
Ох, как бы не случилось
Узнать под старость лет

Орденоносцу-деду,
Хлебнувшему свинца,
Гибридную победу
Под знаменем тельца.

Мысли

А мысли мои — те ещё скакуны.
Всё громче гремит в голове канонада:
Какими мы выйдем из этой войны?
Очистимся ли от «продуктов распада»?

Отмоемся ли от соседства со злом,
Попав поневоле в одно с ним семейство?..
Да, в мыслях своих я иду напролом
И гибну, не в силах терпеть фарисейство.

А в жизни терплю. Хоть томится душа,
Как прежде ещё никогда не томилась.
А мысли бегут — спотыкаясь, спеша.
Морочат, пророчат, про ярость и милость

Рисуют картины в несчастном уме,
Который, измучась, дрожит под ударом.
Что жизнь нам готовит — остаться во тьме?
Воспрять и покончить с текущим кошмаром?

Толпятся, роятся, снуют между строк.
В мозгу, как в трамвае, шумливо и тесно.
Ах, мысли мои, им ещё невдомёк,
Что Господу Богу давно уж известно.

Другая страна

Написала я другу, а он не ответил.
В суете, в маете, в лабиринтах метро
Он, наверно, письма моего не заметил,
И моё по-одесски живое перо

Натолкнулось на твердь запылённой, усталой
От столичных шумов и волнений души.
Я ответа, признаться, и ждать перестала:
Он в Москве, ну а я — в местечковой глуши.

За границей к тому ж и во вражеском стане,
Где привыкнуть пришлось прятать душу и стих
И друзей оставлять в приграничном тумане.
Это так по-московски — забыть о своих,

Что ни в ком удивленья не вызовешь этим.
Ожиданье в груди, пошумев, улеглось.
На молчанье друзей понимаем ответим:
Мы другая страна, нам привыкнуть пришлось.

На одном языке

Если ты на войне, значит путь твой таков:
С чем-то пишушим в пальцах послушных
Пробираться к своим через лагерь врагов
И глухую толпу равнодушных.

Терпишь будни войны, тихо пишешь свой стих,
Никого не желая обидеть.
А в уме лишь одно — только б встретить своих,
В их глазах пониманье увидеть!

Только так устоишь в нестерпимой тоске,
На объятom войной полигоне.
Это счастье и есть — на одном языке
Говорить, находясь в Вавилоне.

Акация

Весна. Как в фильме «Ликвидация»,
Рулит в Одессе криминал.
А во дворе цветёт акация.
Сидят под нею стар и мал
И наслаждаются цветением,
Покинув душные дома.
Земля объята наслаждением,
Коротким, словно жизнь сама.

Весна. У гопников люстрация,
Делёж добычи у воров.
А у людей цветёт акация
В обычном самом из дворов.
Цветёт, цветёт моя хорошая,
Пушистой гроздью тешит взгляд.
И у неё, как в годы прошлые,
Такой одесский аромат!

Над синей гладью моря

Пусть для Парижа — месса,
А я затем жила,
Чтоб милая Одесса
Местечком не была.

А я затем писала,
Для слова жизнь отдав,
Чтоб поднялась, воспряла,
В дыханье сочных трав,

В весёлых волн кипенье,
Родная сторона,
Высокого горенья
И доблести полна.

Я и сама очнулась
Затем от тяжких снов,
Чтоб жизнь сюда вернулась,
Откликнулась на зов

Души моей певучей,
Возвысив к небу взор.
В счастливый этот случай
Я верю до сих пор.

Пусть мчит удача мимо,
Пусть мелют жернова, —
Я верой той хранима,
Я верой той жива.

Мне для того не спится
От тягот ремесла,
Чтоб южная столица
От мерзости и зла

Очнулась как от хвори,
Чтоб вновь и навсегда
Над синей гладью моря
Зажглась её звезда.

Нарциссы

Весна. Нежнее нежного
Нарциссы на столе.
Живу себе по-прежнему,
Изгоем на земле.

Не то чтобы страдания —
Лишь дым и пепел дня.
И ближние и дальние
Всё дальше от меня.

Сияние небесное —
Единственный магнит.
Всё ближе то чудесное,
Что манит и страшит.

А жизнь, сверкая гранями,
Отгачивает стих.
Куда мне, птице раненой,
До пухлых и «крутых»?

Однако же соседствуем
На маленькой Земле,
Где утешают сердце мне
Нарциссы на столе.

День за днём

Нет, не исправишь ничего,
Напрасных слёз не лей.
Придя на землю для того,
Чтоб стало жить светлей,
Душа взыскует чистоты,
Но безответен иск.
Подняв глубинные пласты,
Чертей услышав визг,
Людей увидев слепоту,
Она почти сдалась.
Лишь тяготение к Христу
И струн певучих власть
Её и держат на плаву,
Не дав забыться сном,
И жизни новую главу
Диктуют день за днём.
Молитвы грешницы просты:
Сквозь сердца колотьё
Она взыскует чистоты
И гибнет без неё.

Два мира

Я никому не расскажу
О том, что на сердце лежит,
Чьё имя в памяти держу,
В каких широтах мысль кружит.

Я не доверю никому
Ни боль, ни смуту, ни тоску.
Ему откроюсь одному,
В линейку белому листку.

Он не сфальшивит, не предаст,
Он — продолжение меня.
Мир внешний с внутренним: контраст
Меж ними — будто бы огня

И влаги вечная вражда.
Попробуй их соединить!
Непримиримы, вот беда.
И с этим как-то надо жить...

Без ответа

А смерть, какой же будет смерть?
Своей? насильственной? мгновенной?
Мучительной? постепенной?..
Нет, нет, до времени не сметь
Тот тормозить глубинный слой,
Умом не познанный, запретный...
Каков он, этот мир иной? —
Вопрос терзает безответный.

К старости

Старение! Здравствуй, моё старение!
И. Бродский

Сердце замерло в груди,
Охнуло печально.
Значит, старость впереди,
Жизни окончанье.

Значит, медленнее шаг,
Тише рек верховья.
Из возможных, значит, благ
Всех ценней здоровье.

Жизни тесное кольцо
Давит без причины.
Значит, старое лицо,
Отряхнув морщины,

На последнем этаже
Лестницы бегущей
Освещается уже
Вечностью грядущей.

Взрослый сын

«По вечерам ещё прохладно,
Не выходи гулять раздетым!» —
Твержу я сыну. Хоть и складно,
А всё ж не внемлет он советам.

Он вырос и уже мужчина,
И сам меня чему-то учит.
А я волнуюсь без причины,
И страх глупейший сердце мучит.

Как будто он ещё ребёнок
И может выпасть из коляски:
Тот, потянувшийся спросонок,
Мои любивший слушать сказки.

А он — как рядышком прохожий:
Идёт вперёд, не обернётся.
И мне, чтоб не отстать, похоже,
Самой расти ещё придётся.

На закате

Такие правила игры —
Всему пределы.
Поблекли краски и миры,
Как солнце село.

Огонь полуденный потух,
Смирился ропот.
Остались только чуткий слух
Да горький опыт.

Пора признаться, с прямотой
И без зажима,
Что счастье было лишь мечтой
Недостижимой.

Не заслужила? Не смогла?
Не удержала?
Мелькнули белые крыла,
Вонзилось жало

Неутолённости навек
С нитьём подкожным,
Измучившим, как вечный бег
За невозможным.

Южная ночь

Ничего не попишешь,
Этот южный уклад —
То, чем отроду дышишь.
Этот пышный закат,

Как арбузная мякоть,
Истекая, горит.
И смеяться и плакать
Здесь привыкли навзрыд.

Не глядит на усталость
Южной ночи звезда.
Что бы в жизни ни случилось,
Для тебя навсегда

Эта к морю дорога
Со ступеньками вниз,
Охладивший тревогу
Расслабляющий бриз.

Это, с ветром и пылью,
Лето жаркое вновь.
И плодов изобилье,
И мятежная кровь.

Это — пить-не напиться
Влаги летнего дня,
Враждовать и мириться,
Не жалея огня.

Всё с тобой, всё до края.
Хоть порой и невмочь
Пережить, догорая,
Эту душную ночь.

Эти буйные краски,
Что не в меру щедры, —
Как обильные ласки
На исходе игры.

Просишь так о пощаде,
Будто здесь ты чужой,
Тяготея к прохладе
Отгоревшей душой.

Женский взгляд

Посвящение циникам

Я курю в темноте и вдыхаю гнильё отлива.

И. Бродский

Еле выжить. Потом — одиноким пустынным
Стать. Но без едкого вашего дыма.
Только женщина может не сделаться циником,
Когда бросил её любимый.

Знаю точно. Испытано, прожито, понято
Всё до мелочи в этом злосчастном раскладе.
Очень больно. Как будто бы сердце распорото,
И текущая кровь застывает строкой в тетради.

Всё знакомо. Сочувствую. Собственной шкурою
И надломом душевным, что шрамом топорщится,
Подтверждаю всецело. И всё-таки дурую
Остаюсь и не лезу к вам, умникам, в спорщицы.

И не чту вас чрезмерно, судьбою обиженных,
И дышу не гнильём, а иной атмосферою.
Да, я тоже из вас, оскорблённых, униженных.
Но обид не держу — в Божий промысел верую.

Затаённое

Выйду — улица в майском цвету.
А в груди затаённая мука.
Как же трудно писать в пустоту
И не слышать ответного звука!

Хоть привыкла за тысячу лет
(Так я чувствую век свой духовный),
Но бывает, что нужен ответ —
Нужен так, как в горячке любовной

На разбитое сердце компресс.
Та горячка давно миновала,
А у этой, хоть снизился вес,
Затаённого жара немало...

Средь ночи

И что-то новое, не сказанное вслух,
Рождаясь только,
Средь ночи мучает меня часов до двух —
Порой без толку,

К одной бессоннице, к досаде поутру,
Что всё напрасно.
Досадно так, как проигравшему игру,
В которой страстно

Хотелось выиграть, победу одержать.
И — пшик в итоге.
Но полночь близится опять, и не унять
В душе тревоги.

И напряжён, как на охоте, чуткий слух,
Надежду множа,
На то, что новое, не сказанное вслух,
Родится всё же.

Монологи улитки

1

Все слёзы — в подушку. Все муки
В себе пережить, переплавить
В поэзии чистые звуки
И жить себя дальше заставить.

Укрыться, уйти, как улитка,
От всякой нечаянной встречи.
А на людях — только улыбка
И ясность приветливой речи.

2

— Как жизнь? Отвечаю: — Терпима.
И даже порой хороша.
Всех бед-то — что слишком ранима,
Отзывчива к боли душа.

А в целом хранит постоянство
Высокому ладу мой стих.
Всей боли-то — жизни пространство
В её очертаньях земных.

3

Незванный гость ключей не подберёт.
Пожмёт плечами: чей так голос звонок?
Душа — улитка, в домике живёт,
И лишь в стихах открыта, как ребёнок.

В охотку ей по-птичьи щебетать.
Ах, только не попасть бы в злые сети!..
Откроется — и спрячется опять,
Как будто вовсе нет её на свете.

Душа

Знаю, где б ни поселиться,
На каких бы островах,
Всё одно душа томиться
И искать себя в стихах

Будет с тем же постоянством,
Не умея стать иной.
Не страдая самозванством,
Всей своею глубиной

Будет, маяться, метаться,
Зажигаться и сгорать,
Убиваться, задыхаться,
Над обыденным взмывать.

Устремлённой в эмпиреи,
Одинокую как перст,
Будет времени пред нею
Зев прожорливый разверст.

На любом возможном месте,
Жизни выявив азы,
Будет мне залогом чести
Чистота её слезы.

На бездорожье

А на Руси всё бездорожие.
И вновь небесным льются млеком
Стихи, на разговор похожие, —
С самой собою, с Богом, с веком.

Тяжёлый разговор, неласковый,
Всё нет и нет ему развязки.
Опять из ям тебя вытаскивай,
От сумасшедшей этой тряски

Спасай, душа моя певучая,
Чтоб силы петь не потеряла.
Ездой по буеракам мучая,
Вконец судьба нас измотала.

Мольбы, одна с другою схожие,
Восходят в небо голубое:
— Храни, Господь, на бездорожьи,
Чтоб говорить могла с Тобою!

Оставшись тенью

Всё пережить — паденье царств и нравов.
Сивиллой стать, всевидящей и мудрой,
И выстрадать бесценнейшее право
Повествовать о днях эпохи смутной.

Назначенной Родителем суровым
Как пытка, как урок, как восхождение.
Повествовать. Свидетельствовать словом.
Не выпятив себя, оставшись тенью
Своей строки.
Ей — небо голубое
И на бессмертье истинное право.
А мне — с земною сладить бы судьбою
И пережить паденье царств и нравов.

В гости к России

Я бы уехала в маленький русский город,
Где тишину нарушают только колокола.
Та тишина мне родней, чем парад и гонор.
Я бы уехала, правда. Если б могла.

Если б долги не держали, не ныли кости
Перед дождём (вот он, старости первый знак!)...
Я бы уехала, точно. Хотя бы в гости.
В гости к России — той, что сегодня «враг».

Той, что «агрессор» и пугало мировое.
Что это, Господи, как не бредовый сон?!
Я бы уехала тотчас, пока живое
Сердце ещё и слово как чистый звон.

Я прожила бы, я б не просила много.
Но по иному руслу несёт поток.
Тело в неволе моё — хоть душе дорогу
Не закрывай туда, где её исток!

В зоосаде

1

Отвратен исторический момент:
Зло победило, мелочно и низко.
Глуп обыватель, вял интеллигент,
Двуличен клерк, продажны все по списку.

Пасёт телец, как ушлый прохиндей,
Своих телят податливое стадо.
Зло победило, окружив людей
Зловонной атмосферой зоосада.

Слюной исходят алчною, язык
Готовы проглотить монет за тридцать.
Кто человек, кто мыслить не отвык,
Тому с телячьим игом не смириться.

2

Этот город теперь не для нас,
сохраняющих душу его.
Не для наших весёлых проказ,
вдохновеньем искрящихся глаз.
Больше в нём не живёт Божество.

Этот город теперь для зверья,
что рычит и мычит о своём.
Человека сожрала свинья,
и упёрлась в тупик колея,
и никак мы с тобой не вздохнём.

Этот город теперь — зоосад.
Но пойдн-ка взгляни на других —
стал зверинцем весь мир!
Ты не рад?
Ты хотел бы вернуться назад?
Оглянись, нас немало таких...

Это время

Это время напоминает адскую тьму,
Где сатане по приколу нам рожи корчить.
Выхода два всего — или привыкнуть к нему,
Или — прости, Создатель! — с собой покончить.

Выхода два. Ни один мне не по душе.
Катится день за днём, осень мчит за летом.
Я привыкаю, или меня уже
Нет на земле?
Извини, затруднюсь с ответом.

Лишние

Чужие мы на этом корабле,
Мой друг, движений чуждые двурушных.
Всё меньше ждуд и ценят на земле
Нас, думающих и равнодушных.

Всё больше тех, кто тем и этим мил,
Двум господам всегда служить готовых.
Всё больше их, отеческих могил
Не помнящих и свет путей Христовых

Не видящих. Всё дальше мы от них.
Всё меньше нас, всё наша роль трагичней.
Но лучше так, чем вялость слов пустых
И лиц, одно другого безразличней.

Циничный век

Стареем, друг, уже не высший класс!
И, занятый безликим новоделом,
Циничный век выталкивает нас
В своём самодовольстве оголтелом.

Отходим в тень, растерянно глядим,
Как новое идёт на смену племю.
О да, его приход необходим,
Не может останавливаться время!

Пускай идёт. Так майская гроза
Тревожит мир своей побудкой зычной.
Но Боже, как пусты его глаза,
Как речь бедна и сердце безразлично...

Последний акт

Так пьеса берedit последним актом,
Так сыплет сад своим отцветшим цветом.
Поэзия, ты станешь артефактом,
Ты, искренность, — старинным раритетом.

Совсем уж скоро это всё случится.
Останутся перформансы, флешмобы
И чучело какой-то странной птицы
Взамен живой души. Такая мода!

Такие нравы... Не мешай, не сетуй.
Пусть будет так. Пусть мир перевернётся
И тьма, не отличимая от света,
Сама себя пожрёт. И свет вернётся.

Поэзия и проза

Не стало сил. Вся выгорела прыть.
Лежу ничком подобно лежебоке.
А всё за то, чтоб русской речи быть,
За рек словесных звонкие потоки.

Но нет, причина главная скорей —
Месть дьявольских плутов и лиходеев
За человечность в логове зверей,
За искренность при власти фарисеев.

Повсюду ночь, глухая, как конвой.
Вся жизнь моя — расплата в чистом виде
В минуты мрачной прозы мировой
За верность поэтической планиде.

О том моя печаль...

Хоть пыль в глаза пускай,
Хоть прячься в маскараде,
Хоть за нос всех води — не возратить утрат.
Ведущая черта живущих при распаде —
Скукожившийся ум и выморочный взгляд.

Чему не счесть цены, то ничего не стоит.
Где жизни пульс кипел, там мертвенная гладь.
Не то меня гнетёт, что книгу не откроют,
А то, что и открыв, не смогут прочитать.

О том моя печаль, подавленность и мрачность,
Когда гляжу на вас, идущих с веком в такт,
Что образов язык и мысли многозначность
Для вас не больше, чем музейный артефакт.

31 октября

На ветках качаются жёлтые листья
И падают наземь, как слёзы из глаз.
И осень выводит скорбящею кистью
Свой горький рисунок без лишних прикрас.

Так строго и сжато, как будто бы знала
Все загодя сроки. Последний аккорд
Сегодняшним утром, вздохнув, написала,
И мы прочитали: «Разбившийся борт».

И мы обомлели, и мы присмирели,
Пред ликом владычицы-смерти застыв.
Почти уж два года живём на пределе,
От режущей боли губу закусив.

И время никак наших ран не остудит,
Ещё вот одною теперь приросли.
Ах, сколько их было, ах, сколько их будет
На грешном, израненном теле Земли!

И что нам на «ваших» и «наших» делиться?
И что нам кордоны в пути выставлять?
Жалеть бы друг друга и Богу молиться
О том, чтобы новой беды не узнать.

Беречь бы друг друга от резкого слова,
От злости, кипящей порою в крови...
Стерпеть бы напасти, чтоб снова и снова
Владычице-жизни признаться в любви.

За сжатыми устами

1

Что-то со мной неладно, случилось что-то.
Днём ещё как-то преодолима тьма,
А по ночам мне снятся сбитые самолёты,
Мёртвые дети, взорванные дома.

Словно последний, каждый свой день итожу.
В сердце тревога, в слове стальной накал.
Что-то со мной творится. Со мной ли, Боже,
Или весь мир Твой дьявол к рукам прибрал?

2

Безумие и ужас на экране,
И горизонт затянут пеленой.
Смотри, глобальный мир стирает грани
Меж двух полов, меж миром и войной.

Смешалось всё, друзья врагами стали,
И жизнь страшнее смерти началась.
И гром такой за сжатыми устами,
Как будто твердь земная сотряслась.

Молчи, таись до срока, как Мессия
Таился, опасаясь трескотни.
Смотри, князь мира нынче как всеилен:
Не покориться — подвигу сродни.

На тризне

Сердце птицею бьётся,
Чуя смену уклада.
Прежний мир не вернётся,
Да уже и не надо.

О минувшем не плачу
В маете бесполезной.
Стал хрусталик иначе
Видеть звёзды и бездны.

И, как в очи любимой
Смотрит любящий чутко,
Так и взор мой в глубины,
Как бы ни было жутко

От пугающих видов,
Проникает отважно.
Мир уродов, гибридов,
С их душою продажной,

Как ни бесится, всё же
Уберётся с дороги,
Мира истины Божьей
Не осилит в итоге.

Но жестокая схватка,
Громыхая оружьем,
Косит, как лихорадка,
Наши связи и дружбы,

Заставляет на тризне
Вспомнить суть и причины
Отнимающей жизни
Мировой бесовщины.

Товары нынешнего дня

Гроша не стоит Божий дар,
Товары нынешнего дня
Все на виду — гламур, пиар
И сетевая трескотня.

Их пёстрым блёсткам нет цены,
Они, рождённые тщетой,
Как псы, хозяину верны —
Тельцу в короне золотой.

Яснее ясного уже,
Что он и тянет нас ко дну,
И мир в гламурном неглиже
Вступает в новую войну.

О, пик военных авантюр!
Подняв планету на дыбы,
Всю власть берут пиар, гламур
Под залпы сетевой пальбы.

О, как воинствует тщета,
Глумясь над вечною душой!
Мораль же строчек сих проста,
В них нет премудрости большой:

Текли б иначе наши дни,
Когда б считалось образцом
Хоть что-то Вечности сродни,
Хоть кто-то, ставший над тельцом.

История

Мы только и успели удивиться,
Как зрители в кино, разинув рты.
Гляди, при нас История творится,
День ото дня из мелкой суеты

Её черты над нами вырастают.
Вчера ещё заметные едва,
Сегодня очевидностью пронзают.
Ну что ж, давай, вступай в свои права,

История, меняющая Землю!
Пора открыть стучащей в дверь судьбе.
Тебя страшусь, но нехотя приемлю.
Тебе казнить и миловать тебе.

Просьба

Как маленький человек
В эпоху больших страстей,
Прошу я: жестокий век,
Моих пожалей детей!

Нет-нет, не ошиблась я,
Все дети сейчас мои,
И в сердце шумит струя
Тревоги за них. Струи

Мне этой не превозмочь,
Я маленький человек.
Прошу, мировая ночь,
Не делай из них калек!

Не режь их под корень, дай
Им шанс пережить твой ад,
Эпоха свирепых стай,
Которым сам чёрт не брат.

Ты слышишь, бурлит струя,
Как в море, где корабли.
То просьба к тебе моя
От всех матерей земли.

Когда доживём

Когда всё закончится, голос живой
Расскажет о схватке смертельной.
Мы жили в эпоху войны мировой,
Гибридной войны беспредельной.

Когда всё уладится (может быть, вдруг
Удастся дожить до финала),
Не будем делиться, кто враг, а кто друг,
И спрячется едкое жало

Вражды человеческой, что нынче язвит
И сердце калечит отравой.
Когда доживём, что-то мне говорит,
Что станут любезнее нравы,

Сердца милосердней... Седой головой
Кивает согласно прохожий.
«Мы жили в эпоху войны мировой».
А предки нам вторят: «Мы тоже...»

Мой язык

Н. Смирновой

На чём, сама не знаю я,
Когда повсюду крен,
Жизнь как-то держится моя,
И жажда перемен

Не гаснет в сердце, видит Бог.
Неяркий свет во тьме
Я различаю — русский слог
Ещё живёт во мне,

И нерушима наша связь.
Со мною мой язык
И русский дух, что отродясь
К лишениям привык.

На том стою, на том держусь
И, видит Бог, не вру,
Когда пишу, что эта жуть
Однажды поутру

Пройдёт как морок, как туман,
От солнечных лучей.
Минует срок и наших ран,
И наших палачей.

И мы вздохнём тогда вольней,
Осилив злой недуг,
Свидетель сумеречных дней,
Товарищ мой и друг.

Диктует не мирская власть
Мне этих строк полёт,
А мой язык и к слову страсть,
Что лишь со мной умрёт.

Обращение к Европе

Русский человек... есть человек не играющий.
М. Кудимова

Солнцу ведомо палящему,
Знамо облаку с дождём:
Всё у нас по-настоящему,
Не играем, а живём.

При любой беде присутствуем,
Как о сродниках, скорбя.
Проникаемся, сочувствуем,
Пропускаем сквозь себя.

Измучаясь нраву местному,
Аж сойдёте вы с лица:
Всё взаправду в нём, по-честному,
Всё без края и конца.

Веселились вы за играми,
Наводили красоту.
Мы — в сраженьё были тиграми,
Мы стояли на посту.

Вы, молясь благополучию,
Привечали духов тьмы.
Мы — пожертвовали лучшими,
Вас спасая от чумы.

Смерть налогами подушными
Цельный вывезла обоз.
Может, это потому что мы
Всё восприняли всерьёз?

Там, где правит любовь

Каждый сам по себе, понимаешь ты, сам по себе.
В разделённой стране об иной и не думай судьбе.
Там, где ненависть сеют, невинные души губя,
Каждый сам за себя, понимаешь ты, сам за себя.

Там, где правит телец, отравляя и мысли и кровь,
Вырастает зверё, поколенье потеряно вновь.
Сколько их потеряем ещё в этой злобе и лжи?
Разобшёнья, раскола, вражды где лежат рубежи?

Сколько выпить ещё предстоит этой мёртвой воды?
Я ответа прошу у Рождественской доброй звезды.
Мне немало уж лет, перед тем, как задует свечу,
Там, где правит любовь, я пожить хоть немного хочу.

Ангелу-Хранителю

Как ловко жизнь нас гнёт в дугу!
Соблазн велик, мой свет,
Сказать: я больше не могу
Терпеть весь этот бред!

Сказать: я больше не хочу,
Прости меня, мой друг!
Мне этот ад не по плечу,
Я размыкаю круг.

Мне эту тьму не пережить,
Она меня сильней.
Сказать — и разом прекратить
Течение этих дней,

В которых трудно так дышать,
Как будто всё в дыму.
Соблазн велик, как совладать?
Дай сердцу моему

Указ спасительный, мой друг,
Невидимый мой страж.
О, как же я боюсь, что вдруг
Ты голос не подашь,

Не распознаешь ход планет,
Беду не отведёшь,
Надежду хрупкую, мой свет,
Мне в душу не вдохнёшь.

2016–2017

Новогодняя Одесса

Внезапно пришла зима
В наш южный жемчужный град.
Как свечки, стоят дома,
И в окнах огни горят.

А улица вся пуста,
Как шар, пустота звенит.
Причина её проста —
Народ подгулявший спит.

Был давеча Новый год,
Встречали его в тиши.
Град южный чего-то ждёт,
И створки его души

Глухую скрывают боль,
И голос звучит тайком.
И слышится как пароль
Скрип снега под каблуком.

Из-под снега

За окном светло и тихо,
буря улеглась.
Суета, тщета, шумиха,
нечисть вся и грязь
не видны под белым снегом,
не слышны ничуть.
Только время вечным бегом
наполняет грудь.

Не стихает напряжение
целый день-деньской.
В том и цель его движенья,
чтоб отнять покой.
Для того и дышит страстно,
за душу берёт,
чтоб писать о нём всечасно,
двигаться вперёд.

Даже в белом этом снеге,
в зимнем этом сне
строчек будущих побеги,
мысли о весне.
Из-под чистой этой, рясной
снежной немоты
жизни звучной и прекрасной
видятся черты.

Урок

Хоть ты в улыбке кривишь рот,
В глазах твоих печаль.
Как хорошо, что всё пройдёт,
Но как безумно жаль!

Мучений ад, сомнений тьма.
Прошли бы уж скорей.
Но вместе с ними жизнь сама
И прелесть этих дней,

Которых чем короче срок,
Тем скрупулёзней счёт.
Быть может, главный их урок
Не выучен ещё?

Быть может, если им вослед
Вдруг обернёшься ты,
Не тьму увидишь — только свет
И милые черты?

Переболело? Отлегло?
Поспешно торжество:
Как хорошо, что всё прошло,
Как пусто без него...

Вспоминая даты

Молодость пылкая схожа с напастью,
Отдано чувству всё существо.
Время, когда ещё хочется счастья,
После уж можно и без него.

После уж можно и перебиться,
Перетерпеть в череде забот.
Выгорев, даже и не стремится
Сердце к нему и другим живёт.

Но иногда, вспоминая даты,
Встретишься мысленно с тем огнём.
Словно не ты, а другой когда-то
Был так измучен, сгорая в нём.

Поэзия

Хоть жизни страстное крещендо,
Утихнув, сбавило размах,
Ещё поэзия зачем-то
В моих присутствует словах.

Нежданной гостьей прилетает
И, вспыхнув в сумраке звездой,
Меня как будто принуждает
К своей забаве молодой.

Уж сердцем хладным и разбитым
Она не властвует вполне,
Но всякий раз с её визитом
Жизнь возвращается ко мне.

И я, глотая с упоеньем
Её чудесный эликсир,
Как прежде, пылким откровеньем
Глухой одариваю мир.

За окном

Видно, нет судьбы другой,
Дома нет другого.
За окном кошачий вой
И соседский говор.

Сверху музыка гремит,
А в окне напротив
Сумасшедший дед свистит
И в стекло колотит.

И уже привыкла я
К гомону и свисту.
Это родина моя,
Дом мой неказистый.

Здесь написаны стихи,
Сделаны ошибки.
И молитвы и грехи,
Слёзы и улыбки, —

Всё впиталось, всё вросло
В эту часть пространства.
И азарт и ремесло,
Леность и спартанство, —

Всё осознано сполна,
Что пишу и знаю.
Небу вся подчинена
Жизнь моя земная.

В муравейнике людском,
Как в большом колодце,
Всё становится стихом,
Что души коснётся.

Чем за годы обросла,
Сколько зачерпнула,
Всё в себе пережила
И с лихвой вернула.

А в ответ дитя кричит
Рядышком в квартире,
Сумасшедший дед свистит
В сумасшедшем мире.

Так уж вышло, всё моё,
Ничего чужого:
Неказистое житьё,
Искреннее слово.

К людям

Слова на тетрадный лист
Вновь падают поутру.
Но к людям мой путь тернист,
Не многим я по нутру.

Кто сладких желает снов
И милой удобной лжи,
Не надо тому громов
И молний моей души.

Он вспышки моей грозы
Не станет мотать на ус
И терпкой моей лозы
Едва ли оценит вкус.

Однако же в том беды
Не видит мой зоркий стих.
Мне тоже в нём нет нужды,
И чувств к нему никаких.

Тому ж, кто не хочет спать,
В ком правды горит огонь,
Всю душу могу отдать
И крепко пожму ладонь.

С ним дружбу почту за честь,
Будь молод он или стар.
Пока он на свете есть,
И мой не напрасен дар.

Слоги и слова

Сто лет назад всё это было.
Мне память выдаёт по капле,
как бабушка читать учила
меня по кубикам и как я
до странного самозабвенья
(трёх лет мне не было в ту пору)
любила слога построенье,
и буквы для меня, как горы
для альпиниста, были — в сладком
являлись сне, влекли, манили...
Как вдруг опасным недостатком
заняты эти объявили.

— Ещё не время, слишком рано, —
сказал какой-то детский доктор,
психологической травмой
грозя впоследствии. И догмам
врачебным вняли, отлучили
меня от буквенного царства.
Да только вывески забыли
снять с улиц — скрасились мытарства
прочтением вслух любого слова,
что мне встречалось по дороге.
Все буквы я была готова
сложить в слова, но прежде — в слог.

Сто лет прошло. Душой уставшей,
познавшей страсти и тревоги,
я тяготею к слову так же
и так же складываю слоги.
Ах, милый доктор, эта тяга —
пульс моего существования.
Я знаю, вы хотели блага,
я помню ваши пожеланья....

Не претендуя ни на что

Не претендую ни на что:
Пускай признание и слава
Не мой удел, пусть я никто
На пире избранных и право
Их вин элитных пригубить
Мне не дано, я тем довольна,
Что этот мир могу любить
Так горячо и сердобольно,
Так чутко вслушиваться в тишь,
Пока прославленный пирует,
Как свыше тем даётся лишь,
Кто ни на что не претендует.

В движении

Мои движенья там неловки,
Где льётся «дружеская» лесь.
Я за пределами тусовки —
Любой, какая только есть.

Я не умею вторить хору,
Хоть знаю: должно петь ему.
Котомку взяв, высоко в гору,
Через обыденности тьму,

Иду — и сладостна дорога:
На ней ни лести, ни хулы.
Лишь взор всевидящего Бога
На дни мои. А дни малы.

Вершины? Что мои вершины —
Самообмана торжество.
Движенья скрытые пружины
И вера. Больше ничего,

На что могла бы опереться
В пути усталая душа.
Земным теплом мне не согреться —
Земля теперь нехороша.

Её теперь во все пределы
Кровавым снегом замело.
Но сердце что-то не допело,
Не завершилось ремесло.

Ещё связуют в предложенья
Слова, рождённые в тиши,
Пружины скрытого движенья
Неуспокоенной души.

Зима

Е. С.

Не клеится разговор,
Не ладится, хоть убей.
Как будто бы наглый вор —
Поди поищи наглеи! —

Украл тот язык у нас,
Что общим считали мы.
Звучал он в сиянье глаз
И в тёплом среди зимы

Пожатые озябших рук,
И в слове, слетевшем с губ,
Которого только звук
Уже был желан и люб.

А нынче мы как глухой
С немым, вот и весь рассказ.
И скованной льдом рекой
Зима разделила нас.

И нет тяжелей пути
(Кто следовал им, поймёт):
Пытаешься перейти —
И падаешь вновь на лёд.

Подмена

Ах, люди, за вас и полушки не дам.
Привыкшим вилять и лукавить,
Сначала подменяют историю вам,
А после и веру, и память.

Как кукол тряпичных, вас вывернут так,
Так перелицуют искусно,
Что в друге старинном увидится враг,
Отрава покажется вкусной.

Всеядны, блудливы, шустры, как хорьки,
Лапши повесив на уши,
Вы совесть проели за обе щеки
И с лёгкостью продали душу.

И всё же мне жаль вас, двуногих зверей,
Что, слушая пенье сирены,
Обманщице верят и с криком «Скорей!»
Бегут, не заметив подмены.

Корень зла

Что знать тебе полагается,
Усвоить не тяжело:
С предательства начинается
Любое земное зло.

Предавший Христа, я думаю,
Был вовсе не чужд стыда.
То ль ветры лихие дунули,
То ль в деньгах была нужда...

А может, указа Отчего,
Чтоб правда до всех дошла,
Был знак — объяснить доходчиво:
Предательство — корень зла.

И ты, чтоб осилить врага,
Пришедшего в отчий край,
Что свято тебе и дорого,
За выгоду не отдай.

Чтоб Божьей не вызвать лютости,
Не сподличай, не прогнись.
По жадности или глупости
С Иудою не сроднись.

Надежда

Ты хочешь, чтоб был благородный и честный финал
У смутных историй, у страшных трагедий земных?
Но мир не потянет, он алчен, бесчестен и мал
Для великодушных и чистых стремлений твоих.

Нет, мир не потянет, не станет им правящий князь
Менять свои планы при свете высоких начал.
И будет такая же ложь и такая же грязь,
И так же тревожиться, плакать, не спать по ночам

Ты будешь и впредь. Но откуда души чистота
Пребудет в тебе, ты надеждой продолжишь дышать,
Что всё же научится мир по законам Христа
И жить, и любить, и земного добра наживать.

Потери

По-разному разных теряют людей:
Одни уж сошли на конечной,
И с ними простились вы в горестный день,
Но память светла им и вечна.

Другие ж и ныне живут во плоти,
И даже порой рядом с вами.
Встречаются часто на вашем пути,
Смеются, зовутся друзьями.

Вы делитесь с ними душевным теплом
И тайной своей сокровенной.
Они ж помышляют совсем об ином
И в спину вам подлою скверной

Всё дышат и дышат, шипят и шипят.
При встрече ж — как будто на флейте
Играют, так ласково в очи глядят.
Таких потерять не жалеите!

Таких вам не надо. Не стоят они
Ни слёз, ни прощального слова.
Пусть судят их выше, в урочные дни.
Ступайте. И будьте здоровы.

За синей птицей

Все мы обмануты счастьем...

С. Есенин

— Никогда ни за чем не гоняйся —
ни за славою, ни за долей.
Как назначено, так и будет,
что заслужишь, то и получишь.

Так шептало мне моё сердце,
час за часом и год за годом.
Но само-то ещё любило,
но само-то хотело счастья!

Не за долей и не за славой —
лишь за синею этой птицей,
что мелькнула и обманула, —
лишь за ней одной я бежала.

Но всему есть предел под небом —
нашим вёснам и нашим грёзам.
Срок пришёл попрощаться с птицей —
сколько можно за нею бегать?

Груз обиды не держит сердце:
Обманула? С кем не бывает...
Те короткие с нею встречи
с благодарностью вспоминает...

Превращение

Ищешь счастья,
мечтаешь о нём,
страдаешь.

Гоняешься за ним
и ясным днём, и промозглым.
Не успеваешь,
теряешь,
сердце в куски разбиваешь.

И когда уже каждой клеткой
своего уставшего мозга,
накопившего этих гонок изрядный «стаж»,
наконец понимаешь,
что счастье
это не более, чем мираж;
когда ослабевает сила твоего рвения,
и ты плетёшься с вокзала домой,
изверившись в прибытии поезда,
оно вдруг является —
под видом отдохновения
от твоих многолетних
мучительных поисков.

Сперва ты не узнаёшь его,
теряешься, думаешь: всё пропало!
Но по мере того, как стихают в сердце
острые боли,

твой взгляд проясняется
и что к чему, различает помалу,
и ты подтверждаешь:
да, это оно, но только в обличье
Покоя и Воли.

Пределы

В том ирония жизни, что есть у всего пределы.
До того, что считалось важным, теперь нет дела.
Та река, что несла горделиво большую воду,
Обмелела, иссякла, свою исчерпав природу.

И куда бы ни шёл, выдвигаясь походкой смелой,
Всюду чувствуешь близость его, своего предела.
Знаешь точно уже: *здесь* бескрайнего нет простора.
Вот откуда она, за край устремлённость взора.

Пасха – 2016

Надо жить в этом времени стойко,
Надо выдержать смертную дрожь.
Мир похож на большую помойку,
На огромную свалку похож.

Добродетели хламом презренным,
Как лохмотья старинных одежд,
В землю втоптаны. В пенном и бренном
Мире нелюдей, хамов, невежд

Добродетели пугала вроде.
Все отбросы, все урки земли
Потянулись, мыча о свободе,
Потешаться над ними пришли.

Не над ними — над нами с тобою,
Сохранившими Божий завет.
Сколько нас, одинокой тропею
Неуклонно идущих на свет!

Не отдавшимся дню на потребу,
Нам от жизни не взять ничего.
Лишь вина бы немного да хлеба
Перед днём Воскресенья Его.

Водораздел

— Что в жизни есть жизни важнее, скажи?
Чем меряешь рост человека?
— Приверженность правде, уступчивость лжи, —
Вот два рубежа, два отсека,

Два полюса разных (куда тяготел,
Туда и окажешься званым).
И грань между ними — как водораздел
Меж Божьим и дьявольским станом.

Два года
(02. 05. 2016)

Уже в аккурат два года,
Не мёртвый, но бездыханный,
Наш раненный в сердце город
Живёт с незажившей раной.

Уже мы привыкли даже
(Жить хочешь — привыкнешь к смерти),
Что нас охраняет стража,
Как ад охраняют черти.

Суёт она нос повсюду,
Твердит, что защита наша.
А ненависть к нам — до зуда,
Вот-вот перельётся чаша.

И ходим мы осторожно,
И чуем свои оковы.
И снова глядим тревожно
На поле то Куликово.

Без линии фронта

Это война, где линии фронта нет.
Всюду она, тьмою стал целый свет.

Всюду её приметы, её черты.
Жизни привычной вывернуты пласты.

Всё перемешано, поднято всё вверх дном.
Свет потемневший кажется страшным сном.

Воинство Божье дьявол атаковал.
Что впереди — победа или провал?

Эта война... Что думаешь ты о ней?
Веришь ещё в то, что добро сильнее?

Видишь ли ты сквозь суету и блажь,
Где он, Георгий Победоносец наш?

Есть ли он нынче или не стоит ждать?
С судьями Линча встречи не миновать.

Око за око требуют, кровь за кровь.
Где Он, Твой Сыне, Господи, что любовь,

Вместо старья, изношенного до дыр,
Вновь принесёт в ставший войною мир?

Беженцы

Эти люди на войне были,
Голодали, ночевали в подвалах.
Их обстреливали, жгли и бомбили,
Убивали их детей малых.

Горевать при них и плакать негоже —
На тебя ведь не нацелены «Грады».
Ты про тонкую свою кожу
Расскажи другим, а этим не надо.

Не поймут они тебя нынче —
Слишком свежи их ещё раны.
Так, в тисках зажатый зверского клинча,
Разучившийся на жизнь строить планы,

От жестокой убегающей доли
И не знающий, куда возвращаться,
Научился наш народ поневоле
Ненавидеть, убивать и бояться.

По улице родной

По улице родной гуляю не спеша,
Пока паны в верхах закручивают гайки.
Где родина моя? Где близкая душа,
С кем молвить слово я сумею без утайки.

Они ещё со мной, с кем чашу жизни пью,
А те, кого уж нет, те тоже где-то рядом.
Не выдать, не продать, не подложить свинью,
Не угостить подчас притворства сладким ядом, —

Вот всё, что важно мне, вот всё, что нужно тем,
Кто встречи дарит нам и судьбами владеет.
Где родина моя? Где воз моих проблем
И островок тепла, что в бурю сердце греет.

Излом

Былое сношено до дыр
И утекает, как вода.
«Таким, как прежде, этот мир
Уже не будет никогда».

Мы это слышим каждый день,
Мы это знаем не из книг.
Страшит нас будущего тень,
Что надвигается впритык.

И безымянная звезда,
Как меч, висит над головой.
Но мир меняется всегда!
Как ртуть, подвижный и живой,

Назавтра станет он таким,
Каким вчера не думал быть.
Не выйти из воды сухим,
И встречи с ним не отменить.

Такой всегда у жизни крен,
Неотвратим её излом:
Жестокий ветер перемен
И сожаленье о былом.

Чтобы сгодиться

Мало на свете этом родиться —
Надо ещё для него сгодиться.

Надо быть крепким ещё и сильным,
В дьявольском стане — Божьим посыльным.

Если уж молвить, то правду-матку,
Одолевая стальную хватку

Цепких, звериных его объятий,
Фальшь «всенародных» мероприятий,

Крест одиночества, путь изгоя.
И неизбежно в графе «другое», —

Подлость лакеев его бездушных,
Мерзость халдеев его двурушных...

Надо быть сильной, надо молиться,
Чтобы сгодиться и не разбиться.

Одолевая, преодолевая,
К выходам крайним не прибегая.

Не умолкая, певчею птицей
Быть, оставляя свою страницу.

На плаву

Живу беспокойно, как смертник, живу,
И странно самой, что ещё на плаву.
Ещё не хлебаю подводную соль.
Душевная мука сильна, но не столь,

Наверно, не столь, чтоб её не стерпеть.
Хоть сердце в неволе устало гореть
И бьётся неровно, и редко поёт.
Ночная тревога уснуть не даёт,

До утра изводит стесненьем в груди.
Как будто кто шепчет: «Вставай и иди!
На лобное место, на встречу с судьбой.
Иных мне не надо — пришёл за тобой».

Он треплет мне душу до самой зари,
Как будто бы видит меня изнутри,
Как будто бы знает больные места.
Возводит на крест и снимает с креста.

И снова, как ветер гудит штормовой:
«Я тот, кто повсюду идёт за тобой».
Привыкнув, на помощь уже не зову,
Сама, как умею, держусь на плаву.

Вне игры

В списках не значусь,
Не числюсь, не состою.
Впрочем, не плачусь,
Не силюсь попасть в струю.

Ибо зловонны, как язвы,
Её пары.
Боже, храни от грязной
Людской игры!

В подпол уйти, в забвенье,
Изныть, остыть
Лучше, чем смрад гниенья
В себя впустить.

В дни воспалённой дрожи,
Глухой тоски,
Мне бы всего лишь, Боже,
Твоей руки.

Чтобы благим известьем
Свой стих сберечь,
Не запятнав бесчестьем
Родную речь.

Вера

Когда мир зубами скрежещет
И кажется, неизлечим,
И слабый твой разум трепещет,
Ища пониманья причин;

Когда все исчерпаны пренья
И светоч надежды угас,
И адского полон кипенья
Котёл взбаламученных масс,

Не верь ни стенанью, ни бреду,
Но в сердце храни до конца
Спокойную веру в Победу,
Как веру в величье Творца.

Невыносимость

Одолов себя насилию,
Слабину опять даёшь.
Жизнь всегда невыносима,
Но выносишь и живёшь.

То, что хочешь, не даётся,
В том, что есть, находишь брак.
Так ведётся, так живётся,
И поётся тоже так.

Радость жизни быстротечна,
Словно ходит следом вор.
Маета на сердце вечно,
Неустройство, недобор.

Сколько б ни было попыток,
Цель всё так же далека.
Только тяжести избыток,
Только горести река.

Не грузи...

Твори, сочинитель, пиши и пой
Однако ж не думай впредь,
Что песню твою услышит глухой,
Что сможет слепой прозреть,

Бесчувственный — чувства в себе найти,
Немой — подобрать слова...
Не думай. Держись своего пути
И знай, что всегда права

Душа твоя. Спой про её полёт,
Упадок отобрази.
А кто там услышит и что поймёт,
Ты тем себя *не грузи*.

И слово мне это прости, поэт, —
Сорвалось вдруг с языка.
Не спрашивай — нынче один ответ:
— Отстань. Не грузи. Пока.

Лишь иногда

Тепло и влажно. Дождь прошёл,
Вчерашний день ушёл во тьму.
И это даже хорошо,
Что ты не нужен никому.

Что позабыл твои черты
Незванный гость со стороны,
Что те, кому не нужен ты,
Тебе не более нужны.

Что можно запросто, без слов,
Обняков и закавык,
Стряхнув стесняющий покров,
Среди любимых старых книг,

Не ожидая никого,
Не обязуясь никому,
Справлять свободы торжество
С самим собой, в своём доме.

Лишь иногда, лишь в редкий миг
Былое хочется вернуть
И, вместо старых этих книг,
В глаза живые заглянуть.

Женщина в шляпке

Г. Соколовой

Эта женщина в шляпке ещё хороша,
Хоть года не щадят и не милуют беды.
И в глазах бесшабашность, и в теле душа,
И под шляпкой — ни грамма текущего бреда.

Ясен ум и на совести нету вранья,
Оттого широки и свободны движенья.
Эту женщину в шляпке увидела я
Ровно так, как предстала она, — без ряженья.

Облик женствен её, речь проста и чиста.
С ней беседа течёт без натуги и пресса.
А в глазах огоньки, а в душе теплота
Той, минувшей уже, благодатной Одессы.

Путь поэта

(Памяти Владислава Ходасевича)

*Так и душа моя идёт путём зерна:
Сойдя во мрак, умрёт — и оживёт она.
Вл. Ходасевич*

Иди, поэт, путём зерна:
Умри в земле, взойди побегом.
И вновь, укрытый белым снегом,
Переродись. Придёт весна

И ты опять из тьмы взойдёшь,
Дав жизни вдох земле окрестной.
Живи, поэт. Когда ж умрёшь,
Совсем умрёшь, — вдруг интересной

Твою манеру назовут,
Тебя заметят и обсудят.
Да только что тебе их суд —
Тебя среди них уже не будет.

Но сохраняются письма.
Они и станут им ответом:
Ты просто шёл путём зерна,
А что особенного в этом?

Весенние новости

*Создатель мой! Спасибо за весну!
Саша Чёрный*

Пришла весна. Орут коты,
И всё пухлей на ветках почки.
И столько всякой красоты
Вокруг, что жизни нет отсрочки.

Бежит, спешит она, горит
Огнями всяких наслаждений
И что-то сердцу говорит.
Услышать бы, как слышал гений,

Её шептание в ночи,
Не пропустить бы новость эту.
О жизнь, шепчи, кричи, учи
Всему, что должно знать поэту,

Чтобы любить тебя сильнеей,
Чтоб, боль познав твою и муку,
Не разлюбить твоих огней,
Не позабыть твою науку.

В начале мая

(Весеннее приношение Тютчеву)

Люблю грозу в начале мая...

Ф. Тютчев

Строке излюбленной внимая,
Её всё больше ценишь вес.
И я люблю в начале мая
Потоки звонкие с небес.

И мне по сердцу эти громы
И светом брызжащие дни.
Как будто я вдали от дома
И милой пристани огни

Путеводителем в дороге
Мне светят с тютчевских страниц.
Во дни печали и тревоги,
Среди чужих, недобрых лиц,

Когда о будущем болею,
Когда неволит суета,
Всё мне дороже, всё милее
Родного слова красота.

Смерти вопреки

Живите в доме — и не рухнет дом...
А. Тарковский

Тот дом живой, в котором есть жильцы.
Покинули его — и жизнь ушла.
И со стихами так — лишь те столбцы
Не поглотит удушливая мгла,
Что на губах искрятся, как вино.
Читайте же, хоть в день по две строки!
Чтоб то, что было к жизни рождено,
Живым осталось, смерти вопреки.

Послание в бутылке

Пиши, пиши, готовь письмо к отсылке.
Отправив же его, не жди ответа.
Поэзия — послание в бутылке
От терпящего бедствие поэта.

Один, всегда один он в океане.
Вокруг шторма, до берега не близко,
И там его не ждут. И он на грани,
И пишет, как предсмертную записку,

Свои стихи. А что там после будет
С посланьем тем — найдут ли, прочитают, —
То, может быть, потом Господь рассудит,
А нынче даже Он ещё не знает.

Ты и я

Для тебя стихи это просто звук,
Пустой, непонятный, странный.
А для меня — итог тайных мук,
Выстраданный и долгожданный.

Тебе эти странности невдомёк,
Ты хочешь от жизни всё взять не глядя.
А для меня она — вечный урок
И бесконечные правки в тетради.

Ты и я. Вместе нам не сойтись:
Где потребление твоё, там моя отдача.
Но ты с неосознанной грустью взираешь ввысь,
А я над людским, житейским смеюсь и плачу.

Никудышное

Труду одинокому отдано время.
Живу я, слаба и мала,
Как будто уже попрощалась со всеми
И дверь за собой заперла.

Как будто уже разговоры излишни
И встречи ни с кем не нужны,
Поскольку от жизни моей никудышной
Остались лишь певчей струны

У самого сердца доверчивый трепет
Да редкие вспышки огня.
Уже никакой кулинар не налепит
Земных пирогов для меня.

Да я и просить не умею земного,
А только молюсь в тишине:
Дай, Господи, сыну!
Дай, Господи, слову!
А то, что останется, — мне.

Обыкновенный разговор

Человек всегда в движении:
На пиру и на посту
Он от смерти приближенья
Прячется за суету.

Он бежит, спешит, хлопочет,
Проявляет жизни прыть,
Потому что очень хочет
Мысль о смерти заглушить.

Он как часть земного люда
Хочет думать о земном.
Но она за ним повсюду,
Чтобы помнил об ином.

Неотвязная, глухая...
Но не вечен счёт часам.
К ней, помалу привыкая,
Человек приходит сам.

И чем дальше, тем короче
Их знакомство.
Что за спор?
Так, обыденный, среди ночи,
Их негромкий разговор.

Ливень

Ну и ливень у нас! До краёв залило.
Наблюдаю, как градины лупят в стекло,
Как потоки воды вырастают стеной —
Неразборной, сплошной, — между миром и мной.

Да, отныне вот так. Между нами стена.
Он не надобен мне, я ему не нужна.
Не найдёт он меня ни в бегах, ни в торгах,
Ни в одних, ни в других, и ни в третьих кругах.

Ни в шумливой гульбе, ни в ретивой борьбе.
Он пусть сам по себе, я сама по себе.
В тишине, в полусне, за могучей стеной,
Думать следует мне о себе лишь одной.

Но закончился дождь — и упала стена.
Не стена то была — на глазах пелена.
Ослепляла она, диктовала она.
Прояснилось, прошло. Я стою у окна.

Словно вновь рождена, вижу мир пред собой:
Дорогой, изболевшийся шар голубой.
Он под игом дельцов, вероломных лжецов,
Угасает в ярме, не рождает творцов.

Он на помощь зовёт, я призыву внемлю.
Не от мира сего, как сей мир я люблю!
Отчуждённость мою словно смыло водой —
С ним опять я живу нашей общей бедой.

Подарок

Почему я живу?
Потому что томлюсь,
потому что люблю,
потому что молюсь.
Потому что горю,
потому что творю,
потому что тебе
своё сердце дарю.

Почему я грущу?
Может быть, потому,
что подарок-то мой,
он тебе ни к чему.
Что плюёшь ты на то,
чем богата душа,
за богатства мои
не даёшь ни гроша.

Потому и растёт
между нами стена.
И, как странник земной,
я блуждаю одна.
И, как в небе звезда,
я вот-вот закачусь.
Потому и горю,
что погаснуть боюсь.

Широкие мысли

Какая скука — состоять
В кружках и обществах различных!
Какая мука — в них бывать!
Последствий самых драматичных

Легко добьётся тот, кто вдруг
Меня вовлечь захочет в «массы».
Где соберётся узкий круг,
Там лицемерия гримасы,

Там узость мысли, блёклость глаз,
Что всем мигают без разбора,
И общих слов натужный сказ —
Для поддержанья разговора.

О нет, туда я не ходок!
Когда по обществу людскому
Душа соскучится — в поток
Нырну, куда-нибудь из дому

Пойду бродить, зайду к друзьям.
Хоть их не много наберётся,
Но с ними голос чист и прям,
Но с ними сердце улыбнётся.

И вознесётся к небесам,
Внимая с детским упоеньем
И человеческим голосам,
И соловьиным откровеньям.

Два голоса

Мысль изречённая есть ложь.

Ф. Тютчев

Два голоса живут во мне,
Два спорщика, два антипода.
Один взывает к тишине,
Чья целомудренна природа.

Твердит: всё сказанное ложь,
Куда честнее жить в молчанье...
Другой, посмеиваясь: что ж,
Скажи хоть слово на прощанье!

А вдруг, как сад, оно взрастёт
И расцветёт, светло и пышно?
Иной молчальник тоже врёт,
Когда душой кривит неслышно.

Уходящие поезда

Жизнь — иллюзия, жизнь — вода,
дней обманчивых череда;
окрыляющая звезда,
удушающая среда.
А ещё она — навсегда
уходящие поезда.

Ни догнать, ни купить билет.
Что ж, прощайте же, всем привет!
Жизнь — оставшийся в сердце след.
Жизнь — привычно текущий бред.
И оттуда идущий свет,
где пока нас с тобою нет.

Там, где мы есть

Где твой очаг,
там и терпи.
И не ропщи,
и не вопи.

И не проси
звёздный билет.
Где хорошо?
Там, где нас нет.

Главная часть,
лучшая весть —
как не пропасть
там, где мы есть.

Свидетельство

Отчего сердце мается?
Для кого книга пишется?
Неужели сверстается
И никем не услышится?

А ведь это свидетельство
О текущем мгновении,
А ведь это радетьство
О его продолжении.

Оттого-то и мается,
Для того-то и пишется.
Так молитва читается —
Тихо-тихо, как дышится.

О том, о сём

Поэт неведом никому.
А если б ведом был,
Уже б наведались к нему
Копатели могил.

Тогда б, наверно, жизнь его
Иначе потекла,
И не спасло бы ничего
От чёрного крыла.

Уже б давно ему кранты,
Коль русский он поэт.
Но в окруженье пустоты
Он может жить сто лет.

Как те живут, кто никому
Не может помешать.
Ну разве, сам сойдёт во тьму,
Не в силах продолжать.

Так пусть, не ведая о нём,
Зима идёт к весне.
А он пока о том, о сём
Напишет в тишине.

«Культурный» суд

Вот ведь какая выходит «вилка»:
Либо культуры стиль утончённый,
Либо — ударивший по затылку,
Словно возмездие в день твой чёрный,

Правды и совести обух тяжкий.
Ты, правдолюб, из культуры выбыл
И побираешься, как бродяжка.
Вот ведь каким оказался выбор...

Избранных каста плетёт ажур,
Не разбирая — с Богом ли, с чёртом.
Вот ведь как судит тебя *культура* —
Ты оказался не высшим сортом.

Сухие листья

*Опять по всей России
сухие листья жгут.
Е. Бершин*

Сухие листья жгут в Москве,
В Одессе жгут людей.
Что там, у жизни в рукаве?
Каких ещё идей

Её фантазия полна
На лезвии времён?
В ответ, как гром: «Война, война...»
Гремит со всех сторон.

Куда ни глянь, в её оскал
Упрётся всюду взгляд.
А ты беспомощен и мал,
Чтоб всё вернуть назад.

Лишь мысли спорят горячо
И знай себе несут
Туда, где живы все ещё
И только листья жгут.

Александру Кушнеру
(*Мелочи жизни*)

Поэзия, следи за пустяком...

А. Кушнер

Не отличился надрывным стенаньем,
Камень не бросил в чужой огород.
Слог его дышит любовным вниманьем
К мелочи каждой, что рядом живёт.

Пристален взгляд на штрихи и детали,
Чутко слежение за пустяком.
И не абстрактные «синие дали» —
Вдумчивость, нежность владеют стихом.

Словно с хозяином гостеприимным,
С миром приветлив поэт-книгочѣй.
И отзывается чувством взаимным
Жизнь, состоящая из мелочей.

Ночные стихи

1

Как зябко! Кутаюсь в пальто,
А всё тепла мне мало.
Не надо спрашивать, за что
Невинных смерть забрала.

Роптать на Бога не впервой
Нам, пленникам гордыни.
Поникнув гордой головой,
Моли свои святыни,

Чтоб в ночь вселенскую, навек,
Не канула планета.
Смири свой ропот, человек,
Не знающий ответа.

2

Скрипит бедняк, богач жирует,
Темнеет тучей Божий гнев,
И вновь стервятник торжествует,
От свежей крови опьянев.

Всё как всегда. На ход столетий,
На шум волнений и страстей
Вновь отвечают люди-дети
Беспечной малостью своей.

И, в злом азарте силы мера,
Под рёв восставших площадей,
Вновь открывают люди-звери
Сезон охоты на людей.

3

Вот опять бумаге и перу
Доверяю искры вдохновенья,
И стихи, как в чёрную дыру,
Падают в глухое безвременье.

Друг за дружкой — смертники, глупцы! —
Разбежавшись, прыгают не глядя.
Бесполезной речи образцы,
Столбиком записанной в тетради.

День за днём течёт сквозь решето.
Скоро ли судьба поставит точку?
Тёмное, безликое Ничто
Выедает душу по кусочку.

Разрушителям

Сочится кровь, зияет рана,
К тому ж проблемы с головой, —
Мир победившего Майдана,
Уродец, злобный и кривой.

Какой уж есть. Таким вы сами
Его творили как могли.
Теперь с открытыми глазами
Встречайте смерти корабли!

Ну, что же вы? Сюда смотрите,
Теперь сюда, — везде урон.
Вы, что ли, мир освободите
От бесконечных похорон?

Вы боль утешите земную,
Из раны вырвав остриё?
Увы, вам дали роль иную.
Уж вы исполнили её.

Свои и чужие

Сердце колотится, голос дрожит,
И дрожи той не избыть.
Мир разделён на своих и чужих,
И нам в этом мире жить.

Друг мой, кто духом со мной един,
С кем путь мой неразделим,
Мы с этим миром один на один
Столкнулись, как свой с чужим.

Если по правде, без сладкой лжи,
Горестен наш удел:
Слишком уж много вокруг чужих,
Больше, чем ты б хотел.

Вот ведь какая у нас беда,
Сладкая ложь сильней.
Не пересечься нам никогда,
Не примириться с ней.

Празднуя Рождество

Всё ж не напрасен опыт и лет количество,
В качество всё же что-то да перешло.
Детским подобны хворям следы язычества,
Время их нынче, Господи, истекло.

Следую день за днём по маршруту крестному.
Верую, в том и есть Твоя благодать,
Чтобы Тебе, Отцу моему небесному,
А не иному пастырю предстоять.

Не перепутать! Взором духовным высмотреть
Истину-правду Твою, что всегда одна,
И кривизну души, где замечу, выпрямить —
Слишком у той кривизны велика цена.

Так, испивая чашу земную, страстную,
Не покрывая грешное естество,
Словом исповедальным я нынче праздную
Сына рожденье, Господи, Твоего.

Рождение человека

У меня за окном — роддом.
Никогда в нём не гаснет свет.
Человек рождается в нём
В час предутренний и в обед,

И под вечер, когда уже
Засыпает усталый мир.
Приходящей в него душе,
В тельце розовом, как зефир,

Тихо радуюсь я — пускай!
Человека невинна прить:
Ведь пока ещё слово «дай!»
Не умеет он говорить.

Мои достижения

Никогда ничего не хотела иметь,
Никогда никого не пыталась прельстить.
Отдавала легко, чтобы выше лететь,
Отпускала, вздохнув, ибо как не пустить?

Если в сердце любви не осталось ничуть,
Если узы тонки, если зябки уста,
Значит надо порвать, значит надо рискнуть
Вновь остаться одной и просить у Христа

Пуд терпенья, смиренья — все десять пудов,
Чтоб судьбину не клясть за её жернова.
Коль уж мелет меня, пусть дождётся плодов,
Я плоды принесу, коль останусь жива.

* * *

Будет много плодов, если выживет сад,
Не погибнет от лютых морозов земных.
О, не раз, уж не раз побивал его град,
И не раз он бывал оглушительно тих.

Как покойник, не раз умолкал он навек,
И была я мертвей, чем сухая трава.
Но опять ты, судьба, ускоряла свой бег
И опять запускала свои жернова.

А когда вдруг твоя уставала рука
И безвременный сон находил на тебя,
На меня, вместо сна, находила тоска,
И душила меня, пуще плахи губя.

* * *

Как терзало меня благодушие твоё —
Мол, живи для себя, мол, храни свой очаг.
Я в терновнике птах, мне в груди остриё —
Всё равно, что взаимность в любимых очах.

Но не столько уж сил, чтоб в терновнике петь,
И не столько уж лет, чтобы их не считать.
А иначе, боюсь, мне уже не суметь,
Я привыкла, что жжёт, мне в огне благодать.

Ибо в нём моя суть, ибо с ним я лечу,
Как Жар-птица сама, в ту далёкую даль,
Где иметь для себя ничего не хочу,
В ту высокую высь, где потерь мне не жаль.

* * *

Я по-прежнему их отпускаю легко,
Тех, кто в сердце проник и покинул его.
Чтоб скорее уснуть, на ночь пью молоко,
А проснувшись, опять не прошу ничего.

Вдруг дадут — и куда мне его примостить?
Не умею я с ним, с этим счастьем земным.
Потому-то мне легче его отпустить,
Чем пожизненно быть озабоченной им.

Быть счастливой едва ль я уже научусь —
Это с детства изъян, это давний порок.
Если что и влекло, только азбука чувств,
Если мучило что — их бурлящий поток.

* * *

Тем была я жива, что горело во мне
Это пламя, знакомое только творцам.
Если гаснет оно, остаёшься во тьме
И живёшь, равнодушный к иным образцам.

Несомненны блестящих побед образцы,
Хоть немалой ценою оплачен успех.
А мои достижения — в тетради столбцы
И над жизнью своей иронический смех.

А награда моя — путеводная нить,
Что доньне вела и что выведет впредь.
Ибо я никого не пыталась прельстить,
Для себя ничего не хотела иметь.

ΠΙΟΞΜΒΙ

ГАММА ЧУВСТВ

(Поэма-мозаика)

Необходимое (с точки зрения автора) предисловие

Почему поэма? Ведь здесь только отдельные, не связанные одно с другим, четверостишия? Что это, извините, за недоразумение?

Никакого недоразумения. Очень даже связанные. Потому и поэма, что есть у неё, извините, единая концепция. Имя этой концепции — Человек. Во всём бесконечном многообразии его чувств и свойств, состояний и настроений.

То, что мы, не задумываясь, называем привычным словосочетанием «гамма чувств», таит в себе «блистающие миры» и тёмные бездны противоречивой человеческой природы. А что может быть интереснее, чем вглядываться в эти бездны и наблюдать эти миры?

В своё время я попыталась «уложить» хотя бы некоторые из них в короткие четыре строки. Результат перед вами. Разумеется, он не объективен и не окончателен. Как не имеет конца внутренняя палитра человека, так и все или почти все её краски состоят из множества слоёв и оттенков. Я предлагаю лишь свою версию одного из множества возможных. Что называется, навскидку, исходя из личных ощущений, представлений, ассоциаций... Из характера переживаемого времени. Из того или иного настроения в тот или иной день.

Наступает новый день и приносит новый оттенок. Но тот, предыдущий, остаётся единственным в своей неповторимости, равно как и незаменимым в общей цветовой гамме...

*Человек, словно в зеркале мир, — многолик.
Он ничтожен — и он же безмерно велик!*

Омар Хайям

Волнение

Да, лучше тихая погода,
Но в бурях строится судьба,
И там волнуется природа,
Где есть движенье и борьба.

Страх

Парализуя волю и движенья,
Он не даёт ни мыслить, ни лететь.
А впрочем, как инстинкта выраженье,
Он в джунглях вам поможет уцелеть.

Боль

Явный признак того, что сердце живое,
Что оно пульсирует жизни в такт.
А что жизнь как ранение ножевое,
Так уже стал банальностью этот факт.

Обида

Мука, ожог сердца.
Но никуда не деться —
Чтобы дышать и жить,
Надо простить, забыть...

Гордость

Своевольница, хулиганка,
Ей противен мой жалкий страх.
Заставляет хранить осанку,
Даже если темно в глазах.

Страсть

Пред ней все доводы ничтожны,
Кто знал её — понять сумеет:
Владеть собою невозможно,
Пока она тобой владеет.

Нежность

Как выразить в беспомощной строке
Её невыразимые мгновенья?
Представь, что ты свечу несёшь в руке
И пламя бережёшь от дуновенья.

Любовь

Иллюзий наивных не строй —
Любовь не слепая калека,
И трудно любить человека,
О Боже, как трудно порой!

Ненависть

Причина злодейства, причина геройства...
В час общей беды — неприятье вещей,
Противных, враждебных природе твоей,
Любви, человечности, мироустройству.

Страдание

Красною нитью — сквозь строки и звуки,
Сквозь все потрясения, невзгоды, разлуки, —
За крошкою хлеба протянуты руки.
Душевные муки, голодные муки...

Скорбь

Отрешая от жизни мгновенной,
От текущих сует уводя,
Скорбь подобна строке вдохновенной,
Звону в церкви и шуму дождя.

Радость

Ну а радость — как шарик воздушный,
Долгожданная встреча в пути.
Если есть она, больше не нужно
Ничего — ухватись и лети.

Юмор

Это нервы, токи, клетки.
Что придумано — всё ложь.
Ты живой — и шутки метки.
Так и шутишь, как живёшь.

Ирония

Кто иронически глядит,
Тот чужд надутости и позы.
Он зорче многих в корень зрит
И улыбается сквозь слёзы.

Азарт

Как ток в крови, что пламенным накалом
Нас движет к цели или рвёт на части,
Он может быть и творческим началом,
И тёмной, разрушительною страстью.

Усталость

Коль сковало тебя бессилье
И опутало, словно сеть,
Это значит, устали крылья,
Хоть ещё лететь и лететь.

Одиночество

Комната, лампа, вид из окна, —
Данное Богом пространство некое.
Далее в выборе я вольна,
Ибо оспорить мой выбор — некому.

Уныние

Кто не грешил им, отзовитесь!
Кому власть ночи незнакома?
Чтоб одолеть её, молитесь
И радуйтесь лучу дневному.

Богооставленность

Умом я знаю, Ты со мной.
Но отчего так одиноко,
Что и с поверхности земной
Исчезнуть хочется до срока?

Отчаянье

Если надвинулась тьма,
Трудно спорить с судьбой.
Кто-то сходит с ума,
Кто-то кончает с собой...

Надежда

Она умирает последней,
И жить она будет, пока
Душа сквозь житейские бредни
С мольбою глядит в облака.

Влюблённость

Не мыслю и не существую,
В твоих руках снежинкой таю.
Тебе пою, тобой дышу я,
Тебя не видя — умираю.

Разочарование

Развеялись чары
И горечь такая пришла,
Что нет той печали,
Которая б горше была.

Близость

Мы близки, и что нам вьюга
Злых страстей, словес рутина?
Так мы чувствуем друг друга,
Будто слиты воедино.

Отчуждение

Лёд вместо сердца, пустота
Взамен переполнявшей нежности.
И снова горечь неизбежности
Смыкает намертво уста.

Наслаждение

Это на грани добра и зла,
В эту пропасть уходят силы.
Тело пронзившая, как стрела,
Эта сладость невыносима.

Грехопадение

Как близости нашей мне страшен предел!
Любимый, мы ходим по краю.
За сладость слияния душ и тел
Мы изгнаны будем из рая.

Счастье

Всё ищешь, никак не найдёшь.
А жизнь поражает ответом:
Ты счастлив, пока его ждёшь,
Хоть сам и не знаешь об этом.

Покой

Пожаров чувственных полнейший антипод.
Его нашедшие вздыхают с облегченьем.
Когда судьба тебя терзает и гнетёт,
Не счастьем гредишь ты, но бурь успокоеньем.

Эгоизм

О, как мы в этом все похожи!
Ведь даже искренне любя,
Нам отступитья от себя —
Что оторвать живую кожу.

Ревность

Её б я назвала изнанкою любви.
Известен этот факт и не нова идея:
Кто любит, тот уже с отравой в крови:
Ведь говоря «люблю», он думает: «владею».

Неудовлетворённость

Я ни в чём не найду покоя,
Жизнь мне кажется узкой, тесной.
Это чувство томит земное
Подневольный мой дух небесный.

Ропот

То страданий нам много,
То удача обходит.
Этот ропот на Бога
Нас самих и изводит.

Смирение

Умерить гордыню — только ведь и всего!
Съесть хлеб как плоть и как кровь проглотить вино,
И волю свою подчинить воле Его,
И то принять, что умом понять не дано.

Вера

В дни тревожные, в дни горячие
Все мы сродники во Христе.
Нет неверящих — есть незрячие,
Заплутавшие в темноте.

Томление

Что ни звук — мольба о снисхожденье,
Ибо нет души, что не томится
И, познавши ад грехопаденья,
К чистоте начальной не стремится.

Греховность

Невинны лишь райские кущи,
В земных же греховна дорога.
Без этого чувства живущий
Неполон, оторван от Бога.

Гармония

Почти недостижимое блаженство:
Нет, не истома, свойственная страсти,
А радостное чувство совершенства
И полного согласия с Божьей властью.

Справедливость

Так мало знаем мы о ней
В пределах замкнутого круга,
Что надо просто быть добрей
И милосерднее друг к другу.

Благодарность

Тепло в груди, добра ответный шаг,
Чуть оробев: «Спасибо, неудобно...», —
То лучшее, на что твоя душа
В циничный этот век еще способна.

Цинизм

Мир становится пропащим,
Отпадающим от Бога.
В беззаконии царящем
Все мы циники немного.

Безнаказанность

Ему всё можно, он ничем не скован,
Преступит он без страха наказания.
Знак времени, в котором нет закона,
Он каждый день у нас перед глазами.

Терпимость

От предков пришедшее слово...
Но в том-то судьбы и превратность,
Что нам подменили основы
И в моду ввели *толерантность*.

Привязанность

Как хочется нам жить в земном тепле!
Мы дружбаи сердечными богаче.
Но ими же привязаны к земле
И расстаёмся с ней под звуки плача.

Такт

Как в музыке, его границы чётки
И бережного просят отношенья.
Нарушить их — как по живому плёткой
Пройтись, испортив всё произведенье.

Деликатность

Не худо б нам почтение иметь
К себе подобным, праведным и грешным:
Не вторгнуться, не ранить, не задеть
Их чувств прикосновением небрежным.

Достоинство

То драгоценность высшей пробы.
Храни её — и сбережёшь
Души чистейшую породу,
С которой несовместна ложь.

Совесьть

Благополучье выстроив своё,
Закрыв глаза на множество огрехов,
Обманешь всех, но только не её,
Касательно цены своих успехов.

Свобода

А хочешь правду, без прикрас?
Свободы нет — одна забота.
Пока мы любим хоть кого-то,
Пока хоть кто-то любит нас.

Долг

В противовес страстям, в ущерб желаньям
Он жертвенным путём тебя ведёт
И хрупкой жизни служит основаньем.
А чувственная роза — отцветёт.

Патриотизм

Под пятой любых временщиков
Сохранить к отечеству любовь.
Слышать отзвук минувших веков,
Чувствовать: здесь суть твоя и кровь.

Предательство

На серебряники падкий,
Хоть не умер от стыда,
Выбрал хлеб себе несладкий,
Ибо проклят навсегда.

Лицемерие

Средь густой житейской хмари
Зол иных противней мне
Маскарад двуличных тварей,
Респектабельных вполне.

Искренность

Для того, кто свикся с ложью,
Все оттенки стали серы.
Искренность как искра Божья
Недоступна лицемеру.

Алчность

Телец — ловец и повелитель
Несчастливых душ, и их губитель.
Чтоб душу вырастить в любви,
В ней зёрна алчности дави.

Скупость

А рыцарь скуп. Ну что сказать,
Когда не вымолишь гроша?
Кто не умеет отдавать,
Того ссыхается душа.

Потребительство

Противник творчества, корысти проводник,
Победоносный культ изнеженного тела.
Лишь волю дай ему — нальётся, как гнойник,
Той ненасытностью, которой нет предела.

Бескорыстие

Кому ничего от тебя не надо,
Кроме тебя самого,
Тот вроде зарытого в недрах клада —
Не каждый найдёт его.

Простодушие

Душа простая — рупь за сто —
Смешна вам, господа.
А я люблю её за то,
Что хитрости чужда.

Доверчивость

Взрослея, рубцов и заплаток,
Увы, не минуешь никак.
Доверчивость — детства остаток
И неискрущённости знак.

Тщеславие

Как хотим мы тщетной славы,
Как влечёт её сверканье!
Жаль, не всем из нас по нраву
Доброй славы обаянье.

Самоунижение

Кто много мнит, тот мало значит,
Но пыль в глаза пускать умеет.
Его немало озадачит,
Что кто-то трезвый взгляд имеет.

Высокомерие

Я перед ним как мышка серая.
Своим «величием» гнобя,
Он меряет высокой мерою.
Других. Но только не себя.

Самоуверенность

Тебе, конечно же, решать.
Но в мире, где царит злодейство,
Чтоб самому не оплошать,
На Бога всё-таки надейся.

Приспособленчество

Прогнуться, промолчать,
Стерпеться и слюбиться.
Так подлости печать
На душу и ложится.

Конформизм

Он разъедает душу до корней,
Твердя о неизбежности урона.
Он норма жизни. Если кто честней
И праведней — тот белая ворона.

Унижение

Нам горек хлеб и жизни мы не рады,
Когда она глумится без стыда.
Кто ищет справедливости и правды,
Унижен их отсутствием всегда.

Терпение

В том общего суть наблюденья
Плюс мнение единоличников,
Что жизнь это школа терпенья,
В которой не много отличников.

Ожидание

Как будто нам внушает кто-то,
Что город будет, саду цвести...
Пока живём, мы ждём чего-то,
Чего-то лучшего, чем есть.

Заблуждение

Извилиста дорога заблуждений,
И горько их плоды осознавать.
Но жить без них — как свету быть без тени.
Спешил на свет — и в тень попал опять.

Раздражение

Порой воротит аж до дрожи.
Ну почему так, дай ответ!
Ведь вроде ж человек хороший,
А раздражает — мочи нет.

Злоба

О, как бываем мы страшны,
Как безобразны наши лица,
Когда черты искажены
И чёрный дым вокруг клубится.

Гнев

О вспышках гнева вряд ли без стыда
Мы можем вспомнить. Впрочем, уточненье:
Он праведным бывает иногда
И Божьим — в эпохальные мгновенья.

Одержимость

Одна сверлит тебя игла,
Один снедает пыл.
— Её б на добрые дела, —
Высоцкий говорил.

Вдохновение

Средь ночи, в дом проникнув ловко,
Поднимет — в сторону ни шагу! —
И строчки, будто по диктовку,
Рекой польются на бумагу.

Сомнение

Раздвоенность, неясность, неуверенность,
Сомнения, искания, метания...
Что это — слабость духа и растерянность
Иль признаки ума и дарования?

Смятение

Полна душа твоя взволнованного звука,
Движенья скомканы, темны глаза от смуты.
Перчатку левую на правую ты руку
Наденешь запросто в подобные минуты.

Неуверенность

Качается кораблик на волнах,
Лишь ветер налетит — и он в опасности.
Нет-нет и одолеет сердце страх
Среди всеобщей смуты и неясности.

Тревога

Это оно, напряженье всех сил,
Это оно, натяженье всех жил.
Залито сердце горячей волной.
Чем тут поможешь? Молитвой одной.

Грусть

Грусть — лирическое чувство.
От неё плоды искусства.
Снова сердце защемило —
Муза с ним заговорила.

Сожаление

Как жаль, я говорю, как жаль
Того, что не сбылось,
И о несбывшемся печаль —
Стихотворенья ось.

Ностальгия

Чем больше за плечами
Прошедших зим и лет,
Тем тлеющей печали
Пронзительнее свет.

Сентиментальность

Чуть что — и слёзы тут как тут,
Сама б заткнула уши.
Размякнув, тают и текут
Чувствительные души.

Слабость

Не могу я душой не хворать,
Не могу я с собой совладать.
Тщетно, в шкуру чужую не влезть,
Не могу быть сильнее, чем есть.

Беззащитность

Ни загражденья, ни брони, —
Со всех сторон пронзают стрелы.
Смирись, душа, и уясни:
Случись иначе — ты б не пела.

Жалость

О невозвратном, о несбывшемся,
Хоть знаю: незачем и не о чём...
К больным, убогим, опустившимся.
К себе порой, в минуту немощи...

Сострадание

Так о тебе болею,
Что подставляю плечи.
Боль твоя стала моею —
Значит, тебе полегче.

Равнодушие

Нет, что бы ни произошло,
Её не вскинется крыло.
Ко всем всегда она равна
И этой ровностью страшна.

Пристрастность

Лишь небесам присуща беспристрастность,
А здесь, где грешных чувств язык отточен,
За ним и слово. В чём же тут неясность?
Одних мы любим, а других не очень.

Нелюбовь

В ней страшно признаться —
Ведь можно признаньем убить.
Страшней притворяться,
Искусным обманщиком быть.

Самолюбие

Между честью и самостью,
С ними сопоставимое,
Всё зудит в нас до старости,
Как дитя, уязвимое.

Лень

Осилив ряд преодолений
И душу натрудив до края,
«Как сладостно предаться лени», —
Я вслед за Блоком повторяю.

Бесцеремонность

Без церемоний! Красота
В простых вещах жива.
Но та ужасна простота,
Что хуже воровства.

Беспечность

Еще беззаботно глядишь,
В счастливом согласье с судьбою...
Беспечность — неведение лишь
Того, что случится с тобою.

Ответственность

За каждый шаг, за каждый взмах пера,
Как зрелости осознанное бремя.
Тот факт, что жизнь не детская игра,
Признать тебе приходится без прений.

Педантичность

Всё по пунктам расписано,
Всюду точки расставила.
Только жизнь, чёрта лысого,
Втиснешь в строгие правила.

Весёлость

Это жизни счастливая вежа,
Если встретишь однажды в пути
Лёгкость нрава, рассыпчатость смеха
И отсутствие злобы в груди.

Милосердие

Жестокий ветер завывает
И гасит огонёк свечи.
Кто милость к падшим призывает,
Тот освещает путь в ночи.

Человечность

Не преступи, не нанеси увечий,
И даже в самой яростной борьбе
Не потеряй свой облик человеческий,
Не уничтожь Всевышнего в себе.

Жестокость

Лирических не жди, читатель, кружев
О том, кто мукам ближних предаёт.
Законы человечности нарушив,
Он человеком быть перестает.

Мечь

Кто зуб за зуб отнять горазд,
Умножит лишь беду.
Кому отмщенье, Тот воздаст,
По своему Суду.

Зависть

Он живёт в удушливом дыму,
От одной лишь мысли чуть не плача,
Что кому-то лучше, чем ему,
Что счастливей кто-то и богаче.

Малодушие

С большою, где место найдётся Христу,
Жить в мире больней, горячей.
А с малой душою удобней в быту
И сподличать можно ловчей.

Благородство

Не путай с чистоплюйством!
Внутри изъянов много,
Но подлости с холуйством
Заказана дорога.

Стыд

Земля не держит: провалилась
И там сгораю от стыда.
Но хорошо, что так случилось,
Бесстыдство — худшая беда.

Раскаянье

Не для канона, грешник, кайся,
А для спасения души.
Всё осознай, во всём признайся.
А после... после вновь греши.

Брезгливость

Её природа так проста,
Что объясняться нет причины.
Где лживость и нечистота,
Там запах... хуже мертвечины.

Честь

Её бы смолоду беречь,
Не поступаясь, дорожить.
Тогда б иначе жизни течь,
Тогда другим бы миру быть.

Верность

Пенелопа, Кончита, Татьяна, —
Свет немеркнущий над суетой.
Чистый слиток как есть, без изъяна,
Неразменной души золотой.

Робость

Перед Богом, перед ликом ясным,
Перед чувством, перед красотой...
Перед всем, что свято и прекрасно,
И чего я, в сущности, не стою.

Отвага

Сгинет ничтожный, лопнет продажный.
С ними простятся не сожалея.
Жизни достоин только отважный,
Ибо способен жертвовать ею.

Восхищение

Не меньше, чем красой необычайною,
Шедевром живописца и певца,
Я восхищаюсь смелостью отчаянной
И верностью до самого конца.

Уважение

Нет, здесь не чувственный окрас,
Здесь нет у страсти прав.
За личность уважаю Вас
И совестливый нрав.

Презрение

Всё, что лживо, бесчестно, мелко,
Презираю и тем болею.
Это горькая, злая мерка.
Ох, пореже бы мерить ею!

Отзывчивость

Гулом тревожным исходит лира:
Как на пожаре, с трудом дыша,
Каждому звуку больного мира
Непроизвольно внемлет душа.

Вина

За ту небрежность чувств и слов,
Которой раним мы друг друга;
За горький плач, за нищий кров,
За всю печаль земного круга...

Тоска

Расклад её пёстрый:
Бывает она беспредельной,
Хронической, острой,
Высокой, жестокой... смертельной.

Опустошённость

Мертвенно бледна, нехороша,
Полон взгляд тоски и обречённости.
Всё отдав и выгорев, душа
Принимает крест опустошённости.

Стойкость

От стойков бесценный этот дар:
Бывает, обошла тебя удача
И жизнь твоя похожа на кошмар,
А ты стоишь. Нельзя тебе иначе.

Сопричастность

Жизнь моя, я не зритель бесстрастный
С зябким сердцем и взглядом усталым.
Я жива — значит, я сопричастна
И вершинам твоим, и провалам.

2005, 2015

ОДИНОЧНЫЕ ПРОСТРАНСТВА (Поэма-размышление)

1

Пора прощаний. Редко слышу «Здравствуй!»
И редко говорю. За годом год
Я привыкаю к замкнутым пространствам,
В которых одиночество живёт.
Не то чтоб привыканье было трудным —
Я с детства с ним, как с суженым, близка.
Не то чтоб этим островом безлюдным
Владела исключительно тоска...
В сложившемся раскладе то печально,
Тем бытие моё омрачено,
Что в нём осталось место лишь прощанью
И не с кем поздороваться давно.

2

Такие дни бывают в нашей жизни —
Ещё живёшь, но нет уже огня.
Зато всё больше склонна к укоризне
Заноза-совесть — словно от меня
Одной зависит мира день грядущий
И исцеленье родины моей...
Пространства одиночные — не кущи
Вдоль райских троп, не сладостный елей
Забвения, не пыточная дыба.
Скорей они — единственный приют
Поэтов и молитвенников, ибо
И те и те в пустыне вопиют.

3

С молитвою стихи нередко схожи,
Но духом тот, кто молится, сильней.
Он о себе не думает и дрожи
Утробной, что из грешных родом дней,
За нас молясь, не ведает. А впрочем,
Чужую душу видеть не дано.
И всё нагроможденье этих строчек —
Лишь для того, чтоб выявить зерно
Разумного и доброго начала,
Чтоб лучше самоё себя познать
И сердца бестолкового печали
Предназначеньем высшим оправдать.

4

Теперь вопрос: а есть предназначенье,
Или оно иллюзия моя?²
В закрытое пространство входит тенью
Иных миров судьбы моей швея.
И шьёт, не покладая рук усталых,
И убеждает в том, что я поэт,
И на земных моих инициалах
Уже лежит звезды далёкой свет.
А после вдруг, как маятник, качнётся
Её игла, мой пламень охладив,
И фея тотчас ведьмой обернётся,
В жестокие сомненья погрузив.

5

Такая уж судьба у одиночек —
В самих себе копать, отворять
За дверью дверь, искать начала строчек,
Затем концы на выходе искать.
Легко парить, легко срываться в бездну...
Об этом уж рассказано не раз.
Но мысль о том, что были бесполезны
Искания твои, что тот алмаз,
Который ты нашёл, огранил чутко
Своей рукой, не стоит ни гроша, —
Как с нею быть?.. С земного промежутка
Не соскользнуть пытается душа.

6

Лишь выйдет в мир — и вновь спешит в укрытье.
Ей, как монашке, нужен свой приют,
Чтоб отдохнуть и волю дать наитью, —
Без этого и птицы не поют,
И люди задыхаются. Свобода
Моя лишь там ничем не стеснена,
Где певчая звучит моя природа
Во весь свой голос... там, где тишина.
А посему не жалею, и слёзы
Мои легки, и строки им под стать.
Бывают в жизни дни: стихают грозы,
Искавший счастья — ищет благодать.

7

Защиты ищет от больного мира.
Не славы, нет, — покоя, тишины.
Что слава? Что сверкавшие кумиры
Могущественной некогда страны?
Покрылись пылью, словно экспонаты,
Иль сами стали пылью. Вот финал
Сверкания земного. Но когда-то
И мне хотелось Золушкой на бал
Явиться вдруг и ропот восхищенья,
Как музыку, услышать за спиной.
Что музыка сия? Её значенье
Ничтожно перед музыкой иной.

8

Когда тебе её доступны звуки,
Ты всюду их пытаешься найти.
Ни дня не можешь с ними жить в разлуке —
Без высших сфер земного нет пути.
Когда ты эту истину измерил
Своею жизнью — ты уже не тот,
Что был в начале. На своём примере
Ты можешь научить того, кто ждёт
От жизни не одних лишь развлечений.
Скажи всю правду, к сердцу прикоснись!
Не опускаясь до нравоучений,
Лишь музыкой услышанной делись.

Услышат ли — то не твоя забота.
 Трудись, делись полученным огнём.
 И дотрудившись до седьмого пота,
 И умерев посеянным зерном
 В слоях глубинных почвы бессловесной,
 Труды твои не ставящей ни в грош,
 Ростком высокой азбуки небесной,
 Быть может, хоть в одной душе взойдёшь.
 И в дар за эти будущие всходы,
 За честный труд и правду до конца,
 Получишь вкус божественной свободы
 И шрамы от тернового венца.

Теперь о шрамах. Дороги увечья!
 Терновых игл уколы — как цена
 Владения возвышенною речью.
 Когда тобой уплачена она,
 Ты можешь не стыдись и глаз не пряча
 Смотреть на мир и Богу посвящать
 Алмазы те — те редкие удачи,
 Что сам от поражений отличать
 Не должен ты, но должен, не изверясь,
 Продолжить путь и, сколько б ни идти,
 Нести стиха божественную ересь,
 А с ней и крест назначенный нести.

К таким, читатель, выводам подстрочным,
 Что строчками становятся в тиши,
 Приводит жизнь в пространстве одиночном,
 Где нет преград движениям души.
 Отсюда, как с вершины удалённой,
 Глядеть на мир и больно и легко.
 Там свод небес войною опалённый,
 Здесь облака белы, как молоко.
 Там ложь кругом, зловонна и тлетворна.
 Здесь правда всё — и чувства, и стихи.
 Там спор идёт о том, что здесь бесспорно,
 Поскольку нет на главном шелухи.

Теперь о том ещё, что наболело.
 (Где ж говорить о нём, как не в стихах?)
 Как объяснить, что есть такое дело —
 Добыча слов в душевных рудниках?
 Что это труд — не хобби, не забава,
 Что это путь — единый, до конца.
 Как испросить у жизни это право —
 На слабости и странности творца?
 На милость к ним... Чтоб вновь, терзая бытом,
 С неласковым прищуром глядя вслед,
 Не оглушила окриком сердитым:
 — Посторонись! Подумаешь, поэт...

— Поберегись! — как будто отвечает, —
 Я жалости не знаю ни к кому.
 Смотрю вокруг — и точно ведь, не знает.
 Кровавую затеяв кутерьму,
 Бежит вперёд, оставив между делом
 Трагедии людские за спиной.
 — Поторопись! — кричит. — Дорога смелым
 Открыта лишь. Пиши, спеши за мной!
 И я спешу — её постигнуть тайны,
 Налюбоваться небом и цветом.
 И я пишу — любое трепетанье
 В моей груди становится стихом.

Но как проникнуть взором сквозь покровы?
 Как в тихой келье маленьких пенат
 Найти его, то истинное слово,
 В котором ветры времени шумят?
 Об этом думай, думай неустанно!
 Живи один, но сердцем мира будь.
 Пусть поле жизни суетно и бранно —
 Ты проберись туда, где бьётся суть.
 Так льётся свыше голос вдохновенный,
 Так зов подземный рвётся из глубин.
 Так Вечности посланник — звук мгновенный —
 Ведёт меня, как друг и властелин.

15

И с этим скарбом — в общее пространство?
Под шквал страстей? Простите, не смешно.
Тому, кто сохраняет постоянство —
Мечте, призванью, чувству, — всё равно —
Придётся постоять за них немало —
Они ничто среди идолов земных.
Читатель мой, когда б я только знала,
Что ты прочесть намерен этот стих,
Я б, может быть, потрафила немного
Пристрастиям и чаяньям твоим.
А впрочем, нет, лирического слога
Не уступлю ни близким, ни родным.

16

Меж нами пропасть, кажется, читатель?
А то смотрю — и вовсе нет её.
Ты, как и я, пред Богом предстоятель,
Мне близко предстояние твоё.
С тобой мы рядом здесь, покуда живы,
И всё же бесконечно далеки.
Не сократить взаимного отрыва,
Не успокоить мчащейся реки.
Что ж, мчись, река! Неси нас, одиночек,
Вздымай над нами новую волну.
Пока живём, не будем ставить точек,
Но будем плыть, чтоб не пойти ко дну.

Июнь — июль 2016

Содержание

2014 – 2015 гг.

Под Рождество.....	6
Южная муза.....	7
Дерзкое обращение.....	7
Келейное дело.....	8
Синица и журавль.....	9
Странно.....	10
В эпоху отсутствия муз.....	11
Птица без стаи.....	12
Непрочитанные поэты.....	14
В защиту художника.....	15
Театральное воспоминание.....	16
Осенние голоса.....	16
«Жизнь всё яростней, всё грубей...».....	19
«Этот век ничего не создаст...».....	20
Из жизни буржуазной.....	21
Русскому поэту.....	22
Верность.....	24
Песня о злой судьбе.....	26
Без упрёка.....	27
Печать.....	26
К чёрным дням перемен.....	29
Под южную звездой.....	30
Тот майский день.....	31
В эпистолярном стиле.....	32
Грядущему.....	35
Под новый год.....	35
31 декабря.....	36
К переменам.....	37
Прогулка под Рождество.....	39
О главном.....	40
Январский ветер.....	40
Виновата война.....	42

Бред.....	42
«Где друг, никто не ведает...».....	43
«Как опостытели сети судьбы...».....	45
«Я много думала. Едва...».....	46
«Всех лучше о том, что случилось...».....	47
«В графе чернеет птичка...».....	48
«Слава Богу, смеюсь...».....	49
Южная роза.....	50
Старый дом.....	51
Одесские дворики.....	52
На пирсе.....	53
Вот бы.....	54
Перед судьбой.....	55
Да и нет.....	56
Соловьиные звуки.....	57
«Опять связались в стих слова...».....	58
«В душе-то всё как прихотливо...».....	59
Кто-то.....	60
Старая песня.....	61
Молодость.....	62
Пять жизней.....	63
Гармония.....	64
Памяти Льва Болдова.....	65
К весне.....	66
Ожидание катарсиса.....	66
На родной земле.....	67
Под гнётом.....	69
По-человечески.....	70
Страшные слова.....	71
Враг.....	72
Интеллигентный автор.....	73
Разрыв.....	74
До и после.....	75
О близком и дорогом.....	76
Две войны.....	77
Мысли.....	79
Другая страна.....	80

На одном языке.....	80
Акация.....	81
Над синей гладью моря.....	82
Нарциссы.....	83
День за днём.....	84
Два мира.....	85
Без ответа.....	86
К старости.....	86
Взрослый сын.....	87
На закате.....	88
Южная ночь.....	89
Женский взгляд.....	90
Затаённое.....	91
Средь ночи.....	92
Монологи улитки.....	92
Душа.....	94
На бездорожье.....	95
Оставшись тенью.....	95
В гости к России.....	96
В зоосаде.....	97
Это время.....	98
Лишние.....	98
Циничный век.....	99
Последний акт.....	100
Поэзия и проза.....	100
О том моя печаль.....	101
31 октября.....	101
За сжатыми устами.....	103
На тризне.....	104
Товары нынешнего дня.....	105
История.....	106
Просьба.....	106
Когда доживём.....	107
Мой язык.....	108
Обращение к Европе.....	109
Там, где правит любовь.....	110
Ангелу-Хранителю.....	111

2016 – 2017 гг.

Новогодняя Одесса.....	114
Из-под снега.....	115
Урок.....	116
Вспоминая даты.....	117
Поэзия.....	117
За окном.....	118
К людям.....	120
Слоги и слова.....	121
Не претендую ни на что.....	122
В движении.....	122
Зима.....	124
Подмена.....	125
Корень зла.....	125
Надежда.....	126
Потери.....	127
За синей птицей.....	128
Превращение.....	129
Пределы.....	130
Пасха – 2016.....	130
Водораздел.....	131
Два года.....	132
Без линии фронта.....	132
Беженцы.....	133
По улице родной.....	134
Излом.....	135
Чтобы сгодиться.....	136
На плаву.....	137
Вне игры.....	138
Вера.....	139
Невыносимость.....	139
Не грузи.....	140
Лишь иногда.....	141
Женщина в шляпке.....	142
Путь поэта.....	142
Весенние новости.....	143

В начале мая.....	144
Смерти вопреки.....	145
Послание в бутылке.....	145
Ты и я.....	146
Никудышное.....	146
Обыкновенный разговор.....	147
Ливень.....	148
Подарок.....	149
Широкие мысли.....	150
Два голоса.....	151
Уходящие поезда.....	152
Там, где мы есть.....	153
Свидетельство.....	153
О том, о сём.....	154
«Культурный» суд.....	155
Сухие листья.....	155
Александрю Кушнеру.....	156
Ночные стихи.....	157
Разрушителям.....	159
Свои и чужие.....	159
Празднуя Рождество.....	160
Рождение человека.....	161
Мои достижения.....	161

ПОЭМЫ

ГАММА ЧУВСТВ

Поэма-мозаика.....	166
--------------------	-----

ОДИНОЧНЫЕ ПРОСТРАНСТВА

Поэма-размышление.....	197
------------------------	-----

Видавництво «Optimum», 2017
(російською мовою)

Литературно-художественное издание

Ирина Дубровская

ПЯТЬ ЖИЗНЕЙ

Стихотворения, поэмы.

Издатель Борис А. Эйдельман.
Главный редактор А. А. Таубеншлак.
Редактор И. Р. Харитонкина.

Подписано к печати 26.02.2017. Формат 84x108/32.
Бумага офсетная. Гарнитура AcademySTT.
Печать офсетная.
Усл. печ. л. 13,00.
Тираж 50 экз. Заказ № 11/2017

Издательство «Optimum», 65045, г. Одесса,
ул. Спиридоновская, 9.
Тел/факс (048) 726-48-98; тел: (048) 794-12-42;
(094) 950-42-42.

Лицензия ДК № 927 от 23.05.2002 г.

Отпечатано с оригинал-макета заказчика
в типографии ООО «Плутон»,
65003, г. Одесса, ул. Атамана Головатого, 84.

По вопросам приобретения
книг об истории Одессы,
а также издания книг
любых жанров и тематики
обращаться:

Издательство «Оптимум»

65045 г. Одесса, ул. Спиридоновская, 9

тел. (048) 726 48 98, (094) 950 42 42

(048) 794 12 42

e mail: optimum1@ukr.net